

ОТ АВТОРА БЕСТСЕЛЛЕРА "ПРАВДА О ДЕЛЕ ГАРРИ КВЕБЕРТА"

ЖОЗЕЛЬ ДИККЕР

КНИГА

БАЛТИМОРОВ

CoRpus

Маркус Гольдман

Жоэль Диккер
Книга Балтиморов

«Corpus (АСТ)»

2015

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

Диккер Ж.

Книга Балтиморов / Ж. Диккер — «Corpus (АСТ)»,
2015 — (Маркус Гольдман)

После “Правды о деле Гарри Квеберта”, выдержавшей тираж в несколько миллионов и принесшей автору Гран-при Французской академии и Гонкуровскую премию лицеистов, новый роман тридцатилетнего швейцарца Жоэля Диккера сразу занял верхние строчки в рейтингах продаж. В “Книге Балтиморов” Диккер вновь выводит на сцену героя своего нашумевшего бестселлера – молодого писателя Маркуса Гольдмана. В этой семейной саге с почти детективным сюжетом Маркус расследует тайны близких ему людей. С детства его восхищала богатая и успешная ветвь семейства Гольдманов из Балтимора. Сам он принадлежал к более скромным Гольдманам из Монклера, но подростком каждый год проводил каникулы в доме своего дяди, знаменитого балтиморского адвоката, вместе с двумя кузенами и девушкой, в которую все три мальчика были без памяти влюблены. Будущее виделось им в розовом свете, однако завязка страшной драмы была заложена в их историю с самого начала.

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

© Диккер Ж., 2015
© Corpus (АСТ), 2015

Содержание

Пролог	6
Часть первая	7
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Жоэль Диккер

Книга Балтиморов

© Éditions de Fallois, 2015

© И. Стаф, перевод на русский язык, 2017

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

Издательство CORPUS ®

* * *

Его памяти

Пролог

воскресенье, 24 октября 2004 года

(за месяц до Драмы)

Завтра моего кузена Вуди посадят в тюрьму. Ближайшие пять лет своей жизни он проведет там.

По дороге из аэропорта Балтимора в Оук-Парк, где прошло мое детство и где мы с ним скоротаем последний его день на свободе, мне уже видится, как он входит в ворота внушительного исправительного заведения в Чeshire, штат Коннектикут.

Весь день мы сидим в доме моего дяди Сола, где когда-то были так счастливы. С нами Гиллель и Александра, и на несколько часов мы вновь – великолепная четверка былых времен. В тот момент мне и в голову не приходит, что будет значить этот день в жизни каждого из нас.

Два дня спустя мне звонит дядя Сол.

– Маркус? Это дядя Сол.

– Здравствуй, дядя Сол. Как ты...

Он не дает мне договорить:

– Маркус, слушай меня внимательно. Немедленно приезжай в Балтимор. Не надо задавать вопросы. Случилось нечто серьезное.

В трубке гудки. Сперва я думаю, что разговор прервался, и сразу перезваниваю; он не отвечает. Звоню еще и еще, в конце концов он берет трубку и произносит только:

– Приезжай в Балтимор.

И снова гудки.

Если вам попадется эта книга, прочитайте ее, пожалуйста.

Я хочу, чтобы кто-нибудь знал историю Гольдманов-из-Балтимора.

Часть первая Книга об утраченной юности (1989–1997)

1

Я – писатель.

Так меня называют все. Друзья, родители, родственники и даже незнакомые люди; меня узнают в общественных местах и спрашивают: “Вы, случайно, не тот писатель, который?..” Я писатель, и этим все сказано.

Люди думают, что, раз вы писатель, значит, жизнь у вас безмятежная. На днях один мой друг жаловался, что ему далеко ездить на работу, и заявил: “Тебе-то что, ты утром встал, сел за стол и пиши себе. Вот и все”. Я промолчал; тяжело сознавать, насколько твой труд выглядит для всех полнейшим бездельем. Люди думают, что вы прохлаждаетесь, а вы пашете как проклятый, именно когда ничего не делаете.

Писать книгу – это как открыть летний лагерь. В вашу одинокую мирную жизнь вдруг без предупреждения врывается целая толпа шумных персонажей и переворачивает все вверх дном. Приезжают поутру, вываливаются из большого автобуса, возбужденно галдят, готовясь сыграть свои роли. И никуда вы не денетесь: придется о них заботиться, кормить их, расселять по комнатам. Вы в ответе за все. Ведь вы же писатель.

Эта история началась в феврале 2012 года; я собрался писать новый роман и уехал из Нью-Йорка в свой новый дом в Бока-Ратоне, во Флориде. Купил я его три месяца назад – продал права на экранизацию своей последней книги – и теперь отправился туда в первый раз, не считая коротких набегов в декабре и январе, когда завозили мебель. Дом был просторный, весь в панорамных окнах, и стоял у озера, вокруг которого любили гулять местные жители. В этом зеленом, очень тихом районе обитали в основном состоятельные пенсионеры, и я среди них выглядел белой вороной. Я был вдвое моложе, но место понравилось мне именно своим абсолютным покоем. Как раз такое мне и было нужно, чтобы писать.

В отличие от предыдущих кратких наездов, теперь я никуда не спешил и отправился во Флориду на машине. Путь в тысячу двести миль несколько меня не пугал: в последние годы я часто катался из Нью-Йорка проведать дядю, Сола Гольдмана, который после Драмы, постигшей его семью, поселился в пригороде Майами. Дорогу я знал как свои пять пальцев.

Выехав из запорошенного снегом Нью-Йорка, где термометр показывал минус десять, я через два дня очутился в теплых зимних тропиках Бока-Ратона. Когда вдоль залитого солнцем шоссе замелькали привычные пальмы, я невольно вспомнил дядю Сола. Мне его страшно не хватало. Осознал я это, когда чуть не проскочил поворот на Бока-Ратон: мне хотелось ехать дальше, повидаться с ним в Майами. Мне даже подумалось, что в предыдущие разы я приезжал, наверно, не столько ради мебели, сколько затем, чтобы заново освоиться во Флориде. Без него она была совсем другой.

Моим ближайшим соседом в Бока-Ратоне оказался симпатичный семидесятилетний старичок, Леонард Горовиц, бывшее светило конституционного права в Гарварде; он проводил во Флориде каждую зиму и, чтобы чем-то себя занять после смерти жены, писал книгу, но никак не мог ее начать. Познакомились мы в тот день, когда я купил дом. Он явился ко мне с целой упаковкой пивных банок и поздравил с приездом; мы сразу нашли общий язык.

С тех пор это вошло у него в привычку, он наведывался каждый раз, когда я приезжал. Мы быстро подружились.

Он ценил мое общество и, по-моему, был рад, что я поживу здесь некоторое время. Я сказал, что собираюсь писать очередной роман, и он тут же заговорил про свой. Он вкладывал в него всю душу, но сюжет никак не хотел сдвигаться с мертвой точки. Он повсюду таскал с собой большую тетрадь на пружине, на обложке которой начертал фломастером “Тетрадь № 1”, как бы давая понять, что есть и другие. Он вечно сидел, уткнувшись в нее носом – прямо с утра, на террасе своего дома или за кухонным столом; иногда я заставал его за тем же занятием где-нибудь в кафе в центре города. А он, наоборот, видел, что я гуляю, купаюсь в озере, отправляюсь на пляж или на пробежку. По вечерам он звонил в дверь, приносил свежее пиво. Мы пили его у меня на террасе, на фоне чудесного озера и розовеющих в закатном солнце пальм, играли в шахматы и слушали музыку. Сделав ход и не сводя глаз с шахматной доски, он всегда задавал мне один и тот же вопрос:

– Ну что, Маркус, как ваша книжка?

– Двигается, Лео, движется.

Так прошло две недели, но однажды вечером, нацелившись съесть мою ладю, он вдруг убрал руку и произнес с неожиданной досадой:

– Вы зачем сюда приехали, разве не роман писать?

– Да, писать, а что?

– А то, что вы ни черта не делаете, и меня это бесит.

– С чего вы взяли, что я ничего не делаю?

– Что я, не вижу? Вы целыми днями мечтаете, занимаетесь спортом да любуетесь облаками. Мне семьдесят восемь лет, это я должен почивать от трудов праведных, а вы должны вкалывать!

– Что вас бесит-то, Лео? Моя книга или ваша собственная?

Я попал в точку. Он смягчился:

– Просто хочу понять, как у вас так получается. У меня роман не идет. Вот мне и любопытно, как вы работаете.

– Сажусь вот тут, на террасе, и думаю. Это нелегкий труд, поверьте. А вы пишете, чтобы чем-то голову занять. Совсем другое дело.

Он двинул вперед слона и объявил мне шах.

– Вы не могли бы подсказать мне хороший сюжет для романа?

– Это невозможно.

– Почему?

– Вы должны его сами придумать.

– По крайней мере, не пишите ничего про Бока-Ратон, очень вас прошу. Не хватало еще, чтобы все ваши читатели приперлись сюда поглазеть на ваш дом.

Я улыбнулся:

– Не надо искать сюжет, Лео. Он сам появится. Сюжет – это какое-нибудь событие, и оно может случиться в любую минуту.

Мог ли я вообразить, что ровно в тот момент, когда я произносил эти слова, все так и произойдет? Я заметил на берегу озера силуэт собаки. Рыщет взад-вперед, уткнувшись носом в траву; мускулистая, но поджарая, с острыми ушами. Гуляющих поблизости не наблюдалось.

– А пес вроде сам по себе бегаёт, – сказал я.

Горовиц поднял голову, взглянул на собаку и отрезал:

– У нас тут нет бродячих собак.

– Я не сказал, что собака бродячая. Я сказал, что она гуляет сама по себе.

Собак я безумно люблю. Я встал, сложил руки рупором и свистнул, подзывая пса. Пес навострил уши. Я свистнул еще раз, и он побежал к нам.

– С ума сошли, – проворчал Лео, – кто вам сказал, что собака не бешеная? Ваш ход.

– Никто, – ответил я, рассеянно двигая ладью.

Горовиц в наказание за нахальство съел у меня ферзя.

Пес подбежал к террасе. Я сел перед ним на корточки. Кобель, довольно крупный, темного окраса, с черной полумаской и длинными тюленьими усами. Прижался ко мне головой, я его погладил. С виду очень ласковый. Я сразу почувствовал, что между нами возникает связь, что-то вроде любви с первого взгляда; собачники меня поймут. Ни ошейника, ни каких-либо опознавательных знаков.

– Вы раньше видели эту собаку? – спросил я Лео.

– Ни разу.

Пес обнюхал террасу, развернулся и, презрев мои попытки его удержать, скрылся за пальмами и кустарником.

– Похоже, знает, куда идти, – заметил Горовиц. – Наверняка собака кого-то из соседей.

Вечер стоял очень душный. Когда Лео уходил, на небе даже в темноте виднелись свинцовые тучи. Вскоре надвинулась сильнейшая гроза, за озером сверкали ослепительные сполохи, а потом небо разверзлось и пролилось стеной воды. Около полуночи я читал в гостиной и вдруг услышал тьяканье со стороны террасы. Пошел взглянуть, в чем дело, и через стеклянную дверь увидел того самого пса – шерсть намокла, вид жалкий. Я открыл, он тут же проскользнул в дом и с умоляющим видом уставился на меня.

– Ладно, оставайся, – разрешил я.

Поставил ему вместо мисок две кастрюли с едой и водой, уселся рядом, вытер его банным полотенцем, и мы стали смотреть, как по окнам струятся потоки дождя.

Ночь он провел у меня. Наутро, проснувшись, я обнаружил, что он мирно спит на кафельном полу кухни. Я соорудил поводок из веревки – просто так, на всякий случай, он и без него послушно ходил за мной по пятам, – и мы отправились искать его хозяина.

Лео пил кофе на крыльце, под навесом; перед ним лежала “Тетрадь № 1”, открытая на безнадежно чистой странице.

– Вы что там чикаетесь с этим псом, Маркус? – спросил он, увидев, что я сажаю собаку в багажник.

– Он ночью явился ко мне на террасу. Я его впустил, в такую-то грозу. По-моему, он потерялся.

– И куда вы направляетесь?

– Повешу объявление у супермаркета.

– Вам лишь бы не работать, честное слово.

– Я как раз работаю.

– Смотрите не перетрудитесь, старина.

– Постараюсь.

Повесив объявление в двух ближайших супермаркетах, я решил прогуляться с псом по главной улице Бока-Ратона в надежде, что кто-нибудь его узнает. Тщетно. В конце концов я зашел в полицейский участок, откуда меня отправили к ветеринару. Иногда у собак есть чипы, по ним можно найти владельца. У пса чипа не было, ветеринар ничем не мог помочь. Предложил мне отдать собаку в приют, я отказался и пошел домой в сопровождении своего нового товарища; тот, надо сказать, несмотря на внушительные размеры, вел себя на редкость спокойно и послушно.

Лео сидел у себя на крыльце и ждал, когда я вернусь. Завидев меня, бросился навстречу, размахивая какими-то распечатками. Недавно он открыл для себя волшебный поисковик

Google и целыми днями вбивал в него все вопросы, какие в голову взбредут. На него, университетского деятеля, большую часть жизни просидевшего в библиотеках в поисках нужных ссылок, магия поисковых алгоритмов действовала особенно сильно.

– Я тут провел небольшое расследование, – заявил он таким тоном, словно раскрыл дело Кеннеди, и протянул мне с десятков страниц; скоро придется помогать ему сменить картридж в принтере.

– И что выяснили, профессор Горовиц?

– Собаки всегда находят дорогу домой. Некоторые пробегают тысячи миль, чтобы вернуться.

– Что вы мне посоветуете?

Лео напустил на себя вид старого мудреца:

– Вместо того чтобы таскать пса за собой, ступайте за ним. Он знает, куда идти, а вы нет.

Сосед был прав. Я решил спустить пса с веревочного поводка, пусть бежит, куда хочет. Он рысью двинулся вперед, сперва вдоль озера, потом по пешеходной дорожке. Мы пересекли поле для гольфа и оказались в другом, незнакомом мне жилом квартале на берегу узкого морского залива. Пес потрусил по дороге, потом дважды свернул направо и в конце концов остановился у ворот, за которыми виднелся великолепный дом. Тут он сел и гавкнул. Я позвонил в домофон. Мне ответил женский голос, я сказал, что нашел их собаку, и ворота открылись. Пес, явно радуясь возвращению, побежал к дому.

Я вошел следом. На крыльце появилась женщина, и пес в порыве счастья запрыгал вокруг нее. Я слышал, как она назвала его по имени – Дюк. Пока они ласкали друг друга, я подошел поближе. Она подняла голову, и я остолбенел.

– Александра? – еле выговорил я.

– Маркус?

Она тоже не верила своим глазам.

Семь с лишним лет прошло после Драмы, разлучившей нас, и вот мы встретились. Она широко раскрыла глаза и вдруг воскликнула:

– Маркус, это ты?!

Я стоял как громом пораженный.

Она подбежала ко мне:

– Маркус!

В порыве неподдельной нежности она обхватила ладонями мое лицо. Словно тоже не верила своим глазам и хотела убедиться, что это не сон. Я по-прежнему не мог выдать из себя ни слова.

– Маркус, – сказала она, – даже не верится, что это ты.

* * *

Вы наверняка слышали – если, конечно, живете не в пещере – об Александре Невилл, самой известной нынешней певице и музыкантше. В последние годы она стала кумиром, которого давно ждала вся страна; она вывела из застоя музыкальный бизнес. Три ее альбома разошлись тиражом в двадцать миллионов экземпляров; она второй год подряд входила в список наиболее влиятельных персон по версии журнала “Тайм”, а ее личное состояние оценивалось в 150 миллионов долларов. Публика ее обожала, критики ею восторгались. Ее любили и подростки, и глубокие старики. Ее любили все; по-моему, вся Америка только и делала, что неистово скандировала четыре любимых слога. *А-лек-сан-дра*.

Жила она с хоккеистом Кевином Лежандром, выходцем из Канады, который в этот момент как раз возник у нее за спиной.

– Вы нашли Дюка! Мы его со вчерашнего дня ищем! Алекс так волновалась. Спасибо вам!

Он протянул мне руку. Я увидел, как вздулся его бицепс, когда он сдвинул мне пальцы. Кевина я знал только по таблоидам, наперебой обсуждавшим его отношения с Александрой. Он был вызывающе красив, еще лучше, чем на фотографиях. На миг он с любопытством взгляделся в мое лицо и спросил:

– Я вас где-то видел, нет?

– Меня зовут Маркус. Маркус Гольдман.

– Писатель, верно?

– Он самый.

– Читал вашу последнюю книжку. Александра посоветовала, ей очень нравится то, что вы пишете.

Происходило что-то невероятное. Я снова встретил Александру, в доме ее жениха. Кевин ничего не понял и предложил мне у них поужинать; я охотно согласился.

Мы пожарили громадные стейки на гигантском барбекю, стоявшем на террасе. За последними переменами в карьере Кевина я не уследил: думал, он по-прежнему защитник “Нэшвилл Предаторз”, а оказывается, за время летних трансферов его продали во “Флорида Пантерз”. Дом принадлежал ему. Он теперь жил в Бока-Ратоне, а Александра в перерыве между записями нового альбома приехала с ним повидаться.

Только под конец ужина Кевин наконец догадался, что мы с Александрой хорошо знакомы.

– Ты из Нью-Йорка? – спросил он.

– Да. Живу я там.

– А что тебя привело во Флориду?

– Я привык сюда заезжать в последние годы. У меня дядя жил в Коконат-Гроув, я его часто навещал. Недавно купил дом в Бока-Ратоне, неподалеку отсюда. Хотелось найти спокойное место, чтобы писать.

– Как поживает твой дядя? – спросила Александра. – Не знала, что он уехал из Балтимора.

Я уклонился от ответа и сказал только:

– Он уехал из Балтимора после Драмы.

Кевин, сам того не заметив, наставил на нас вилку:

– Мне кажется, или вы в самом деле знакомы?

– Я несколько лет жила в Балтиморе, – отозвалась Александра.

– И моя родня тоже жила в Балтиморе, – подхватил я. – Как раз дядя с женой и мои двоюродные братья. Они жили в одном районе с семьей Александры.

Александра почла за лучшее не развивать эту тему, и мы заговорили о другом. После ужина она предложила отвезти меня домой, раз я пришел пешком.

В машине, наедине с ней, я ясно ощутил повисшее в воздухе напряжение. И в конце концов произнес:

– С ума сойти, надо же было моему псу забежать ко мне...

– Он часто убегает.

Мне некстати пришло в голову пошутить:

– Наверно, ему не нравится Кевин.

– Не начинай, Маркус, – жестко отрезала она.

– Не надо так, Алекс...

– Как – так?

– Ты прекрасно знаешь, о чем я.

Она резко затормозила посреди дороги и посмотрела мне прямо в глаза:

- Почему ты так со мной поступил, Маркус?
- Я с трудом выдержал ее взгляд.
- Ты меня бросил!
- Прости. У меня были причины.
- Причины? Не было у тебя никаких причин все угрохать!
- Александра, но они... Они умерли!
- И что? Я, что ли, виновата?
- Нет, – ответил я. – Прости. Прости за все.

Повисло гнетущее молчание. После я лишь подсказывал ей дорогу к дому. Когда мы приехали, она сказала:

- Спасибо за Дюка.
 - Я бы с радостью повидал тебя снова.
 - По-моему, лучше оставить все как есть. Не приходи больше, Маркус.
 - К Кевину?
 - В мою жизнь. Не приходи больше в мою жизнь, пожалуйста.
- Она уехала.

Домой не хотелось совсем. Ключи от моей машины лежали в кармане, и я решил прокатиться. Свернул на Майами, недолго думая, проехал город насквозь, к тихому району Коконат-Гроув, и припарковался у дядиного дома. Погода стояла теплая, я вышел из машины и, прислонившись к капоту, долго смотрел на дом. Мне казалось, что дядя здесь, что я ощущаю его присутствие. Мне хотелось увидеть его снова, а для этого был лишь один способ. Написать о нем.

* * *

Сол Гольдман был братом моего отца. До Драмы, до событий, о которых я собираюсь вам рассказать, он был, по словам моих бабушки и дедушки, “очень большой человек”. Возглавлял одно из крупнейших адвокатских бюро в Балтиморе и благодаря своему опыту вел самые громкие дела по всему Мэриленду. Дело Доминика Пернелла – это он. Дело “Город Балтимор против Морриса” – тоже он. Дело о незаконных сделках “Санридж” – тоже он. В Балтиморе его знали все. О нем писали в газетах, его показывали по телевизору, и я помню, какое впечатление на меня это в свое время производило. Женился он на своей юношеской любви, на той, что стала для меня тетей Анитой, самой красивой женщиной и самой ласковой матерью, на мой тогдашний детский взгляд. Она была ведущим врачом-онкологом в знаменитой местной клинике, госпитале Джона Хопкинса. С их чудесным сыном Гиллелем, добрым и необычайно умным мальчиком, почти моим ровесником, мы относились друг к другу как братья.

С ними я провел лучшие дни своей юности, и еще долго при одном упоминании их имени преисполнялся живейшей гордости и счастья. Тогда они казались мне лучше всех семей, лучше всех людей, каких я только встречал: самые счастливые, самые удачливые, самые целеустремленные, самые уважаемые. Долгие годы жизнь подтверждала мою правоту. Они были другой породы. Меня завораживала легкость, с какой они шли по жизни, ослепляло их сияние, покорял их достаток. Я восхищался их манерой держаться, их вещами, их положением в обществе. Их громадным домом, их шикарными машинами, их летней виллой в Хэмптонах¹, их квартирой в Майами, тем, что каждый год в марте они ездят кататься на лыжах в Уистлер, в Британскую Колумбию. Их простотой, их счастьем. Их радушным отно-

¹ *Хэмптоны (Hamptons)* – фешенебельные курортные поселки Ист-Хэмптон, Саут-Хэмптон и др., давшие название местности на Лонг-Айленде, где они расположены. (*Здесь и далее, кроме оговоренных случаев, – прим. перев.*)

шением ко мне. Их великолепным превосходством, за которое их нельзя было не любить. Они не внушали зависти – несравненным не завидуют. Любимчики богов. Я долго верил, что с ними никогда ничего не случится. Я долго верил, что они будут жить вечно.

2

Назавтра после своей нечаянной встречи с Александрой я целый день просидел заперти в кабинете. Разве что на рассвете, по холодку, вышел пробежаться вдоль озера.

Мне пришло в голову записать основные вехи истории Гольдманов-из-Балтимора, хоть я пока и не знал, что буду со своими заметками делать. Для начала нарисовал генеалогическое древо нашего рода, потом понял, что оно требует некоторых пояснений, особенно по части родителей Вуди. Древо быстро превратилось в целый лес комментариев на полях, и я решил для ясности переписать его на карточки. Передо мной лежала фотография, которую два года назад обнаружил дядя Сол. На фото был я, семнадцатью годами младше, а вокруг – трое самых моих любимых людей: обожаемые кузены, Гиллель и Вуди, и Александра. Она послала снимок каждому из нас, написав на обороте:

я люблю вас, гольдманы.

В то время ей было семнадцать, моим кузенам и мне – всего по пятнадцать. В ней уже было все, за что ее полюбят миллионы людей, но для нас она не стала яблоком раздора. Глядя на фото, я погружался в перипетии нашей далекой юности, когда я еще не потерял кузенов, не превратился в надежду американской литературы, а главное, когда Александра Невилл еще не сделалась нынешней эстрадной суперзвездой. Когда вся Америка еще не влюбилась в нее, в ее песни, когда каждый ее новый альбом еще не приводил в неистовство миллионы фанатов. Когда она еще не ездила в турне, еще не стала долгожданным кумиром Америки.

Под вечер Лео, верный своим привычкам, позвонил ко мне в дверь.

– С вами все в порядке, Маркус? Вас со вчерашнего дня не видно. Нашли хозяина собаки?

– Да. Это новый бойфренд девушки, которую я любил долгие годы.

Он страшно удивился:

– До чего тесен мир. Как ее зовут?

– Вы не поверите. Александра Невилл.

– Певица?

– Она самая.

– Вы ее знаете?

Я сходил за фотографией и протянул ему.

– Это Александра? – спросил Лео, ткнув пальцем в фото.

– Да. В те времена, когда мы были счастливыми юнцами.

– А мальчики кто?

– Мои кузены из Балтимора и я.

– И что с ними теперь?

– Это долгая история...

В тот вечер мы с Лео играли в шахматы допоздна. Я был рад, что он меня отвлек, позволил несколько часов думать не об Александре, а о чем-то другом. Встреча с ней перевернула мне всю душу. За все эти годы я так и не смог ее забыть.

На следующий день я не удержался и снова поехал к дому Кевина Лежандра. Не знаю, на что я надеялся. Наверно, встретить ее. Поговорить с ней еще. Но она рассердится, что

я опять приехал. Я сидел в машине на дороге, что шла параллельно их участку, и вдруг заметил какое-то шевеление в живой изгороди. Пригляделся из любопытства и вдруг увидел, как из кустов вылезает тот самый славный Дюк. Я вышел из машины и тихонько позвал его. Он прекрасно меня помнил и подбежал приласкаться. Мне пришла в голову идиотская, но неотвязная мысль: а не попробовать ли снова завязать отношения с Александрой с помощью Дюка? Я открыл багажник, и он послушно в него запрыгнул. Он мне доверял. Я поскорей вернулся к себе. Дом был ему знаком. Я уселся за письменный стол, он улегся рядом и так и лежал, пока я заново погружался в историю Гольдманов-из-Балтимора.

* * *

Имя “Гольдманы-из-Балтимора” было парным к нашему, моему и моих родителей, – “Гольдманы-из-Монклера”: мы жили в Монклере, штат Нью-Джерси. Со временем длинные названия сократились, они стали Балтиморами, а мы Монклерами. Имена эти придумали бабушка и дедушка Гольдманы: чтобы не путаться в разговоре, они для удобства поделили наши семьи на две географических единицы. Тем самым, когда мы все, к примеру, собирались у них во Флориде на Рождество и Новый год, они могли сказать: “Балтиморы приедут в субботу, а Монклеры в воскресенье”. Поначалу это были всего лишь ласковые обозначения, но в итоге они превратились в способ выразить превосходство Гольдманов-из-Балтимора даже внутри собственного клана. Факты говорили сами за себя. Балтиморы – это адвокат и врач, а их сын учится в лучшей частной школе города. Что же до Монклеров, то мой отец был инженером, мать работала продавщицей в местном филиале нью-йоркского бренда люксовой верхней одежды, а я честно учился в муниципальной школе.

Интонация, с какой старшие Гольдманы произносили эти семейные словечки, вобрала в себя все высокие чувства, которые они питали к племени Балтиморов: слово “Балтимор” перекатывалось у них на языке золотым шариком, тогда как слово “Монклер”, казалось, было начертано слизью улитки. Все хвалы доставались Балтиморам, вся хула – Монклерам. Если не работал телевизор, значит, это я сбил настройки, а если хлеб оказался черствым, то только потому, что его купил мой отец. Булочки, привезенные дядей Солом, всегда были отменного качества, а телевизор снова работал, потому что его наверняка починил Гиллель. Даже в одних и тех же ситуациях они обходились с нами по-разному. Если кто-то из нас опаздывал к ужину, то про Балтиморов бабушка с дедушкой говорили, что бедняги наверняка застряли в пробке. Но если задерживались Монклеры, они тут же начинали сетовать на наши якобы вечные опоздания. Что бы ни случилось, Балтимор был средоточием всего прекрасного, а Монклер – всегдашним “могло-бы-быть-и-получше”. Самая изысканная икра из Монклера не стоила и ложки гнилой капусты из Балтимора. А когда мы все вместе ходили в ресторан или бродили по торговым центрам, бабушка, встретив знакомых, представляла нас так: “Это мой сын Сол, он известный адвокат. Его жена, Анита, ведущий врач у Джона Хопкинса, и их сын Гиллель, юный гений”. В ответ каждый из Балтиморов получал рукопожатие и почтительный поклон. Затем бабушка продолжала свое соло и неопределенно тыкала пальцем в меня и моих родителей: “А это мой младший сын с семейством”. И мы достаивались кивка, примерно такого, каким благодарят шофера или домработницу.

Единственное, в чем Гольдманы-из-Балтимора и Гольдманы-из-Монклера времен моего детства были равны, – это в количестве: обе наши семьи состояли из трех членов. Но если по официальным бумагам Гольдманов-из-Балтимора числилось трое, то люди, близко их знавшие, сказали бы, что их четверо. Ибо моему кузену Гиллелю, с которым я до тех пор делил все минусы положения единственного ребенка, вскоре повезло – жизнь подарила ему брата. После событий, о которых я чуть ниже расскажу подробнее, он стал всегда и везде появляться с другом, которого, если его не знать, можно было счесть воображаемым. Вудро

Финн, или Вуди, как мы его называли, был красивее, выше и сильнее его, заботлив, способен на все и всегда оказывался рядом, если в нем появлялась нужда.

Вуди вскоре занял в семье Гольдманов-из-Балтимора особое место, стал одновременно и одним из них, и одним из нас, племянником, кузенком, сыном и братом. Его наличие среди них было настолько самоочевидным, что – высший знак его принадлежности к Гольдманам! – если он вдруг отсутствовал на каком-нибудь семейном сборище, все немедленно начинали спрашивать, где он, и беспокоиться, отчего он не пришел. Его присутствие считалось не только законным, но необходимым для того, чтобы вся семья была в сборе. Спросите любого, кто знал Гольдманов-из-Балтимора в те времена, и он, не задумываясь, назовет среди них Вуди. Так что они и в этом нас обошли: если раньше в матче Монклер – Балтимор была ничья 3:3, то отныне они вели в счете – 4:3.

Вуди, Гиллель и я были самыми верными друзьями на свете. С Вуди я провел лучшие годы у Балтиморов, благословенное время с 1990-го по 1998-й, послужившее, однако, фоном, на котором сложились все предпосылки Драмы. С десяти до восемнадцати лет мы трое были неразлучны, образуя триединое братское целое, триаду или троицу, и гордо именовали ее “Банда Гольдманов”. Редкие братья так любят друг друга, как любили мы: мы скрепили наш союз самыми торжественными обетами, смешали кровь, поклялись друг другу в верности и обещали любить друг друга вечно. Несмотря на все, что случится потом, я всегда буду вспоминать эти годы как нечто невероятное: эпопею о трех счастливых подростках в благословенной богами Америке.

Ездить в Балтимор, быть с ними – в этом я видел смысл жизни. Только с ними я по-настоящему чувствовал себя самим собой. Спасибо родителям, разрешавшим мне в том возрасте, когда мало кто из детей путешествует в одиночку, проводить в Балтиморе все длинные выходные и видеться с теми, кого я так любил. Для меня это стало началом новой жизни, вехами которой служило расписание школьных каникул, выходных и праздников в честь героев Америки. Приближение *Veteran's Day*, *Martin Luther King Day* или *President's Day*² преисполняло меня неистовой радостью. Я не мог усидеть на месте от возбуждения. Слава солдатам, павшим за родину, слава доктору Мартину Лютеру Кингу-младшему за то, что был таким хорошим человеком, слава нашим честным и доблестным президентам, добавившим нам выходной в каждый третий понедельник февраля!

Чтобы выгадать лишний день, я уговорил родителей отпускать меня сразу после школы. Когда уроки наконец кончались, я пулей мчался домой собираться. Сложив сумку, ждал, когда мать придет с работы и отвезет меня в Ньюарк на вокзал. Садился в кресло у входной двери, в ботинках и в куртке, топоча ногами от нетерпения. Обычно я бывал готов раньше времени, а она запаздывала. От нечего делать я разглядывал фотографии обеих семей, лежавшие рядом на тумбочке. Наша казалась мне пошлой и бесцветной, их – восхитительной. Между тем жил я в Монклере, красивом пригороде Нью-Джерси, и жил прекрасно, спокойно и счастливо, ни в чем не зная нужды. Но наши машины в моих глазах выглядели не такими сверкающими, разговоры – не такими интересными, солнце у нас – не таким ярким, а воздух – не таким чистым.

Потом раздавался гудок маминой машины. Я вылетал на улицу и садился в ее старенькую “хонду-сивик”. Она красила ногти, или пила кофе из картонного стаканчика, или жевала сэндвич, или заполняла налоговую декларацию. Иногда все одновременно. Она всегда была элегантна, хорошо одета. Красивое лицо, красивый макияж. Но, возвращаясь с работы, она не снимала с пиджака бейдж со своим именем и надписью под ним: “К вашим услугам”, которая казалась мне страшно унижительной. Балтиморов обслуживали, а мы были обслугой.

² День ветеранов, День Мартина Лютера Кинга, Президентский день (англ.).

Я ругал мать за опоздание, она просила прощения. Я не прощал, и она ласково гладила меня по голове. Целовала меня, оставляя на щеке следы помады, и сразу стирала их любящей рукой. Потом отвозила меня на вокзал, и я садился на вечерний поезд до Балтимора. По пути она говорила, что любит меня и уже по мне скучает. Перед посадкой в вагон протягивала мне бумажный пакет с сэндвичами, купленными вместе с ее кофе, и просила обещать быть “вежливым и умным мальчиком”. Прижимала меня к себе, совала мне в карман двадцатидолларовую бумажку и говорила: “Я тебя люблю, котик”. Целовала в обе щеки, иногда по три-четыре раза – говорила, что одного раза мало, хотя, по мне, и он был лишней. Сегодня, вспоминая об этом, я злюсь на себя за то, что не давал целовать себя по десять раз при каждом отъезде. Даже за то, что слишком часто уезжал от нее. Злюсь, что редко вспоминал, как уязвимы наши матери, редко повторял себе: люби мать свою.

Неполных два часа – и поезд подходил к центральному вокзалу Балтимора. Наконец начинался переход в другую семью. Я сбрасывал с себя слишком тесный костюм Монклера и облачался в тогу Балтимора. На перроне, в сумерках, меня ждала она. Прекрасная как королева, ослепительная и изящная как богиня, та, чей образ порой постыдно смущал мои юношеские сны, – тетя Анита. Я бежал к ней, я обхватывал ее руками. Я и сейчас чувствую ее руку на своей голове, тепло ее тела. Слышу ее голос: “Марки, дорогой, как же я рада тебя видеть”. Не знаю отчего, но чаще всего встречать меня приезжала именно она, одна. Наверно, потому, что дядя Сол допоздна работал у себя в конторе, а таскать с собой Гиллеля и Вуди ей не очень хотелось. К встрече с ней я готовился, как к свиданию: за несколько минут до прибытия поезда приводил в порядок одежду, причесывался, глядя в оконное стекло, а когда поезд наконец останавливался, выходил из вагона с бьющимся сердцем. Я изменял матери с другой.

Тетя Анита открывала дверцу черного *BMW*, стоившего, наверно, годовую зарплату обоим моим родителям. Я садился в него: это была первая стадия моего преображения. Отвергнув фиговую “хонду”, я всем сердцем поклонялся огромной, кричаще роскошной и современной машине, на которой мы катили из центра города к их дому в фешенебельном районе Оук-Парк. Оук-Парк был миром в себе – широченные тротуары, ряды громадных деревьев вдоль улиц. Дома один больше другого, ворота сверху донизу изукрашены арабесками, а заборы немислимой высоты. Здешние прохожие казались мне самыми красивыми, их собаки – самыми ухоженными, а воскресные бегуны – самыми спортивными. В нашем квартале в Монклере я видел только гостеприимные дома и сады без всяких оград; в Оук-Парке они по большей части были обнесены стенами и живыми изгородями. По тихим улицам, охраняя покой жителей, разъезжали машины частной охраны с оранжевыми мигалками и надписью “Патруль Оук-Парка” на кузове.

Поездка по Оук-Парку с тетей Анитой запускала вторую фазу моего преображения – во мне просыпалось чувство превосходства. Все казалось само собой разумеющимся: и машина, и район, и мое здесь присутствие. Патрульные Оук-Парка при встрече обычно приветствовали жителей коротким взмахом руки, и жители отвечали тем же. Простой жест, подтверждающий, что все в порядке, племя богачей может гулять спокойно. Первый же встречный патруль подавал нам знак, Анита отвечала, и я спешил тоже помахать рукой. Ведь теперь я был одним из них. Подъехав к дому, тетя Анита дважды сигналила, возвещая о нашем прибытии, и нажимала кнопку на пульте. Стальные челюсти ворот раздвигались, и машина въезжала в аллею, ведущую к четырехместному гаражу. Я едва успевал выйти, как входная дверь с радостным грохотом распаивалась – и они скатывались по ступенькам и с восторженными криками бежали ко мне, Вуди и Гиллель, братья, которых так и не подарила мне жизнь. Каждый раз я входил к ним в дом с восторгом: все вокруг было прекрасным, роскошным, громадным. Их гараж, размером с нашу гостиную. Их кухня, размером с наш

дом. Их ванные, размером с наши спальни, и их бесчисленные спальни, где могли бы разместиться несколько поколений семьи.

Каждый мой приезд оказывался лучше предыдущего, я еще больше восхищался дядей и тетей, а главное, абсолютной спаянностью Банды, состоящей из Гиллеля, Вуди и меня. Мы были словно одной плотью и кровью. Нам нравились одни и те же виды спорта, одни и те же актеры, одни и те же фильмы и одни те же девочки, причем не по уговору, а потому, что каждый из нас был продолжением другого. Мы бросали вызов природе и науке: наши генеалогические древа ветвились на разных стволах, но спирали ДНК свивались одинаково. Иногда мы навещали отца тети Аниты: он жил в доме престарелых – в “Мертвом доме”, как мы его называли, – и я помню, как его беспамятные друзья, впавшие в легкий старческий маразм, вечно нас путали и спрашивали, кто такой Вуди. Тыкали на него скрюченными пальцами и раз за разом задавали один и тот же нескромный вопрос: “А этот, он Гольдман-из-Балтимора или Гольдман-из-Монклера?” А тетя Анита поясняла полным нежности голосом: “Это Вудро, друг Гилла. Тот самый мальчик, которого мы взяли к себе. Он такой славный”. Прежде чем произнести эти слова, она всегда проверяла, нет ли в комнате Вуди, чтобы его не задеть, хотя уже по ее голосу становилось ясно, что она готова любить его, как собственного сына. У нас с Вуди и Гиллелем был другой, как нам казалось, более близкий к реальности ответ на этот вопрос. И когда зимними днями мы шли по коридорам, вдыхая странные старческие запахи, а сморщенные руки хватали нас за одежду, требуя представиться и восполнить неизбежные провалы в больных мозгах, мы говорили: “Я – один из трех кузенов Гольдманов”.

* * *

Под вечер меня оторвал от воспоминаний сосед, Лео Горовиц. Не увидев меня целый день, он забеспокоился и пришел удостовериться, что все в порядке.

– Все хорошо, Лео, – заверил я его с порога.

Ему, видно, показалось странным, что я не зову его в дом, и он заподозрил неладное.

– Вы уверены? – настойчиво переспросил он с любопытством в голосе.

– Совершенно. Ничего особенного, просто я работаю.

Вдруг он увидел за моей спиной Дюка: пес проснулся и решил посмотреть, что происходит. Лео вытаращил глаза:

– Маркус, откуда у вас этот пес?

Я смущенно потупился:

– Я его одолжил.

– Вы его – что?

Я знаком пригласил его войти и быстро закрыл дверь. Никто не должен был видеть собаку у меня дома.

– Мне хотелось повидаться с Александрой, – объяснил я. – Я увидел, как пес вылез за ограду, и решил забрать его к себе, днем подержать тут, а вечером привезти обратно и сказать, что он сам ко мне пришел.

– Вы с ума сбрендили, мой бедный друг. Это же кража, самая настоящая.

– Это заем, я не собираюсь оставлять его себе. Он мне нужен всего на несколько часов.

Лео направился на кухню, взял себе без спросу бутылку воды из холодильника и уселся у барной стойки. Он был в восторге: какой богатый событиями день! И предложил мне с сияющим видом:

– А не поиграть ли нам в шахматы для начала? Чтобы вы расслабились.

– Нет, Лео, я правда сейчас занят.

Он помрачнел и снова заговорил о собаке, шумно лакавшей воду из кастрюли на полу.

- Ну так объясните мне, Маркус, зачем вам пес?
- Чтобы у меня был предлог еще раз повидаться с Александрой.
- Это-то я понял. Но зачем вам предлог? Вы что, не можете зайти к ней просто так, поздороваться, как цивилизованный человек, а не воровать ее собаку?
- Она просила больше не появляться.
- Почему она с вами так?
- Потому что я ее бросил. Восемь лет назад.
- Черт. В самом деле, не слишком любезно с вашей стороны. Вы ее разлюбили?
- Наоборот.
- Но вы же ее бросили.
- Да.
- Тогда почему?
- Из-за Драмы.
- Какой такой Драмы?
- Это долгая история.

Балтимор, 1990-е годы

Счастье от встречи с Гольдманами-из-Балтимора омрачалось только дважды в год, когда обе наши семьи собирались вместе: на День благодарения у Балтиморов и на зимних каникулах, которые мы проводили у дедушки с бабушкой во Флориде, в Майами. По мне, так эти семейные встречи больше походили на футбольный матч. На одной половине поля Монклеры, на другой Балтиморы, а в центре арбитры, старшие Гольдманы, подсчитывают очки.

День благодарения был у Балтиморов ежегодным священным обрядом. Вся семья собиралась в их необъятном роскошном доме в Оук-Парке, и все проходило идеально, от начала до конца. Я, к своей величайшей радости, спал в комнате Гиллеля, а Вуди, чтобы не разлучаться с нами даже во сне, перетаскивал к нам свой матрас из соседней спальни. Мои родители занимали одну из гостевых комнат с ванной, а бабушка с дедушкой – другую.

Встречал бабушку с дедушкой в аэропорту дядя Сол, и первые полчаса после их приезда в Балтимор разговор вертелся вокруг того, какая у него удобная машина.

– Это надо видеть! – восклицала бабушка. – Просто потрясающе! Есть куда деть ноги, бывает же такое! Помню, когда я села в твою машину, Натан [мой отец], я себе сказала: все, это в первый и последний раз! А грязно-то как, господи! Неужто так трудно пройтись пылесосом? А вот у Сола она как новенькая. Кожа на сиденьях в идеальном состоянии, чувствуется, что за ней ухаживают.

Когда тема автомобиля иссякала, она начинала восторгаться домом. Ходила по коридорам, будто в первый раз, и восхищалась изяществом отделки, дивной мебелью, теплыми полами, чистотой, цветами и ароматическими свечами в комнатах.

За праздничным обедом она без устали расхваливала блюда. Каждый глоток сопровождался экстатическими звуками. Обед и в самом деле бывал роскошный: суп из китайской тыквы, мягчайшая жареная индейка в кленовом сиропе под перечным соусом, макароны с сыром, пирог с тыквой, воздушное картофельное пюре, тающий во рту мангольд, нежная фасоль. Десерты тоже не отставали: шоколадный мусс, сырный пирог, яблочный пирог с нежной хрустящей корочкой, ореховый торт. После обеда и кофе дядя Сол ставил на стол бутылки с крепкими напитками; в то время их названия мне ничего не говорили, но я помню, что дедушка брал эти бутылки так, словно в них было волшебное зелье, и дивился этикетке, или возрасту, или цвету, а бабушка, завершая свою оду обеду, а заодно и дому и вообще их жизни, исполняла финальный аккорд (всегда один и тот же): “Сол, Анита, Гиллель и Вуди, дорогие мои, спасибо, это было божественно”.

Мне очень хотелось, чтобы они с дедушкой приехали пожить в Монклер; мы бы им показали, на что способны. Однажды, когда мне было лет десять от роду, я даже ее спросил: – Бабушка, а вы с дедушкой когда-нибудь приедете ночевать к нам в Монклер?

Но она ответила:

– Знаешь, дорогой, мы больше не можем к вам приезжать. У вас слишком тесно и неудобно.

Второе ежегодное общее собрание Гольдманов имело место на Новый год и проходило в Майами. Пока нам не исполнилось тринадцать лет, старшие Гольдманы жили в просторной квартире, где вполне могли разместиться обе наши семьи, и мы проводили неделю вместе, не расставаясь ни на миг. Каникулы во Флориде давали мне лишний повод убедиться, с каким безграничным восхищением относились дедушка с бабушкой к Балтиморам, к этим бесподобным марсианам, не имеющим, по сути, ничего общего с остальным семейством. Родственные связи между дедом и моим отцом были мне очевидны. Помимо внешнего сходства, они имели одни и те же причуды, оба страдали склонностью к спастическому запору и вели на эту тему нескончаемые беседы. Дедушка очень любил поговорить про спастический запор. В моей памяти он остался ласковым, рассеянным, нежным, а главное, мающим животом. Облегчаться он уходил так, словно надолго уезжал. Стоя с газетой под мышкой, извещал всех: “Иду в туалет”. На прощание целовал бабушку в губы, а она говорила: “До скорого, дорогой”.

Дедушка боялся, что пресловутый спастический запор, недуг Гольдманов-не-из-Балтимора, в один прекрасный день поразит и меня. Он брал с меня обещание есть побольше овощей, богатых растительными волокнами, и никогда не сдерживаться, если нужно “сходить по-большому”. По утрам Вуди с Гиллелем обедали сладкими хлопьями, а меня дедушка заставлял давиться отрубями *All-Bran*. Есть их приходилось только мне: видимо, у Балтиморов были по сравнению с нами дополнительные ферменты. Дедушка пугал меня грядущими проблемами с пищеварением, которые я непременно унаследую от отца: “Бедный Маркус, у твоего отца такой же запор, как у меня. И ты никуда не денешься, вот увидишь. Главное, ешь побольше волокон, малыш. Чтобы пищеварение было в порядке, надо начинать прямо сейчас”. Пока я поглощал свои отруби, он стоял за спиной, сочувственно положив мне руку на плечо. Поскольку волокнами я обедался в товарных количествах, то, естественно, подолгу сидел в туалете, а когда выходил, меня всякий раз встречал дедушкин взгляд, словно говоривший: “Так и есть, мой мальчик. Все пропало”. Вся эта история с запором действовала на меня довольно сильно. Я постоянно рылся в медицинских словарях в городской библиотеке и со страхом поджидал первых симптомов болезни. И говорил себе, что если их нет, значит, я, наверно, другой – другой, как Балтиморы. Ведь дедушка с бабушкой ссылались на отца, но, по сути, тем самым отдавали должное дяде Солу. А я был сыном первого, но нередко жалел, что не второго.

Наблюдая за Монклерами и Балтиморами, я четко видел пропасть, разделявшую две мои жизни: официальную жизнь Гольдмана-из-Монклера и тайную – Гольдмана-из-Балтимора. От своего второго имени, *Philip*, я оставлял первую букву и писал на школьных тетрадках и домашних работах *Marcus P. Goldman*. Потом добавлял к букве *P* еще кружочек – *Marcus B. Goldman*. Я и был этим *P*, порой превращавшимся в *B*. А жизнь, словно доказывая мою правоту, играла со мной странные шутки; бывая в Балтиморе один, я чувствовал себя одним из них. Когда мы с Гиллелем и Вуди шагали по кварталу, патрульные здоровались с нами и называли по именам. Но когда мы приезжали в Балтимор с родителями на День благодарения и наша старая машина, на бампере которой крупными буквами было написано, что мы не из династии здешних Гольдманов, оказывалась на улицах Оук-Парка, меня, помню, пронзал острый стыд. Если нам попадался патруль, я приветствовал его тайным зна-

ком посвященных, и ничего не понимавшая мать корила меня: “Марки, может, хватит валять дурака и делать глупые знаки охраннику?”

Самое ужасное начиналось, если в Оук-Парке нам случалось заблудиться: улицы здесь шли по кругу, и их легко было перепутать. Мать нервничала, отец останавливался посреди перекрестка, и они начинали спорить, куда ехать, пока не появлялся патруль – взглянуть, что тут делает обтерханная, а значит, подозрительная тачка. Отец объяснял, зачем мы приехали, а я делал знак тайного братства, чтобы охранник не подумал, будто между двумя этими чужаками и мной существует хоть какая-то родственная связь. Иногда патрульный просто показывал нам дорогу, но порой, не доверяя, сопровождал нас до дома Гольдманов, дабы удостовериться в наших благих намерениях. Мы подъезжали, и дядя Сол немедленно выходил навстречу.

– Добрый вечер, мистер Гольдман, – говорил охранник, – извините за беспокойство, я просто хотел убедиться, что вы действительно ожидаете этих людей.

– Спасибо, Мэтт (или любое другое имя, значившееся на бейдже; дядя всегда звал людей по именам на бейдже – в ресторане, в кино, при въезде на платную магистраль). Да, все верно, спасибо, все в порядке.

Он говорил “все в порядке”. Он не говорил: “Мэтт, невежа неотесанный, да как ты мог заподозрить мою кровь, плоть от моей плоти, моего дорогого брата?” Царь посадил бы на кол стража, посмевшего так обойтись с его родней. Но в Оук-Парке дядя Сол благодарил Мэтта: так хвалят доброго сторожевого пса за то, что залаял – дабы быть уверенным, что он будет лаять и впредь. И когда патрульный отъезжал, мать говорила: “Да-да, вот так, убирайтесь, а то вы не видите, что мы не бандиты”, а отец умолял ее замолчать и не высовываться. Мы были здесь всего лишь гостями.

Во владениях Балтиморов существовало одно место, не зараженное Монклерами, – вилла в Хэмптонах, куда моим родителям хватило такта не приехать ни разу, по крайней мере при мне. Для тех, кто не знает, во что превратились Хэмптоны с 1980-х годов, скажу, что этот мирный, скромный уголок на берегу океана, в окрестностях Нью-Йорка, сделался одним из самых шикарных курортов Восточного побережья. Так что дом в Хэмптонах пережил несколько жизней, и дядя Сол любил рассказывать, как все над ним смеялись, когда он за копейки купил деревянную халупу в Ист-Хэмптоне, и говорили, что худшего применения своим деньгам он найти не мог. Дело было до бума на Уолл-стрит в 1980-х годах, возвестившего начало золотого века для поколения трейдеров: новые богачи приступом брали Хэмптоны, местечко внезапно обуржуазилось, и цена недвижимости выросла на порядки.

Я тогда был еще маленький и ничего не помнил, но мне рассказывали, что по мере того, как дядя Сол выигрывал один судебный процесс за другим, дом постепенно хорошел – вплоть до того момента, когда его срыли и расчистили место под новую великолепную виллу, уютную и чарующую. Просторную, светлую, изящно обвитую плющом, с террасой, выходящей на задний двор и окруженной кустами синих и белых гортензий, с бассейном и беседкой, покрытой кирказоном, под сенью которого мы обычно обедали.

Хэмптоны были третьей – после Балтимора и Майами – точкой ежегодного географического треугольника Банды Гольдманов. Каждый год родители разрешали мне пожить там в июле. Здесь, в летнем доме дяди и тети, я, в компании Вуди и Гиллеля, провел самые счастливые летние каникулы в своей жизни. И именно здесь были посеяны семена Драмы, которая случится с ними в будущем. Но все равно от этих каникул во мне осталась память об абсолютном счастье. Я помню эти летние благословенные дни, похожие друг на друга, отдающие бессмертием. Что мы там делали? Наслаждались своей победоносной юностью. Покоряли океан. Охотились на девочек, как на бабочек. Ловили рыбу. Искали скалы и прыгали с них в море, меряясь силами с жизнью.

Больше всего нам нравились владения прелестной пары – Джейн и Сета Кларков; они были довольно пожилые, бездетные и очень богатые (по-моему, ему принадлежал какой-то инвестиционный фонд в Нью-Йорке). Со временем дядя Сол и тетя Анита сдружились с ними. Их вилла носила название “Рай на Земле” и располагалась в миле от дома Балтиморов. Это было сказочное место: мне помнится зелень парка, иудины деревья, купы роз и каскад фонтана. Над частным песчаным пляжем за домом имелся бассейн. Кларки позволяли нам приходить когда угодно, и мы без конца торчали у них, плескались в бассейне или плавали в океане. Там был даже маленький катер у деревянного причала, мы время от времени брали его и курсировали по бухте. В благодарность мы часто оказывали Кларкам мелкие услуги, главным образом работали в саду; в этой области мы были мастерами – я скоро объясню почему.

В Хэмптонах мы теряли счет дням. Быть может, это меня и обмануло – это ощущение, что все будет длиться вечно. И что мы будем вечно. Как будто в этом зачарованном месте, на этих улицах, в этих домах люди неподвластны времени и его разрушениям.

Я помню стол на террасе, где дядя Сол устраивал свой, как он говорил, “кабинет”. Прямо у бассейна. После завтрака он раскладывал там свои папки, тянул туда телефон и работал по крайней мере до обеда. Не раскрывая профессиональных секретов, он рассказывал нам о делах, которые вел. Я слушал его объяснения развесив уши. Мы спрашивали, как он собирается выиграть процесс, и он отвечал:

– Выиграю, потому что так надо. Гольдманы никогда не проигрывают.

А потом спрашивал нас, что бы мы делали на его месте, и мы, все трое, воображая себя великими законниками, наперебой выкрикивали идеи, какие приходили нам в голову. Он улыбался и говорил, что мы станем отличными адвокатами и в один прекрасный день сможем работать в его бюро. От одной этой мысли у меня кружилась голова.

Спустя несколько месяцев, приехав в Балтимор, я рассматривал газетные вырезки: тетя Анита заботливо хранила все статьи, где говорилось о процессах, подготовленных в Хэмптонах. Дядя Сол выиграл. О нем писали во всех газетах. Мне до сих пор помнятся некоторые заголовки:

НЕПОБЕДИМЫЙ ГОЛЬДМАН

СОЛ ГОЛЬДМАН, АДВОКАТ, КОТОРЫЙ НИКОГДА НЕ ПРОИГРЫВАЕТ

ГОЛЬДМАН ВНОВЬ НАНОСИТ УДАР

По сути, он не проиграл ни единого дела. И свидетельства его побед еще усиливали мою страстную привязанность к нему. Он был самый лучший дядя и самый великий адвокат.

* * *

Под вечер я разбудил Дюка прямо посреди его сиесты: пора было везти его домой. Он успел у меня обжиться и всем своим видом говорил, что никакой особой охоты куда-то

двигаться у него нет. Пришлось волочь его к машине, стоявшей у дома, а потом брать на руки и класть в багажник. Лео с любопытством следил за мной с крыльца. “Удачи, Маркус; если она не хочет вас больше видеть, значит, любит, это точно”. Я доехал до дома Кевина Лежандра и нажал кнопку домофона.

3

*Коконат-Гроув, Флорида,
июнь 2010 года
(спустя шесть лет после Драмы)*

На рассвете я сидел на террасе дома в Коконат-Гроув, где теперь жил дядя. Он переехал сюда уже четыре года назад.

Он подошел бесшумно, и когда раздался его голос, я так и подскочил:

– Уже встал?

– Доброе утро, дядя Сол.

Он принес две чашки кофе и одну поставил передо мной. Увидел мои листки с пометами. Я писал.

– О чем твой новый роман, Марки?

– Не могу тебе сказать, дядя Сол. Ты же меня вчера уже спрашивал.

Он улыбнулся. С минуту смотрел, как я пишу. Потом повернулся уходить и, заправляя рубашку в брюки и застегивая ремень, спросил с торжественным видом:

– Ты про меня когда-нибудь напишешь в своей книге, да?

– Конечно, – ответил я.

Дядя покинул Балтимор в 2006 году, через два года после Драмы, и переселился в небольшой, но богатый дом в районе Коконат-Гроув, к югу от Майами. Со стороны фасада у него была маленькая терраса, окруженная манговыми и авокадовыми деревьями, которые с каждым годом приносили все больше плодов и давали благодатную прохладу в полуденный зной.

Романы мои имели успех, и я мог навещать дядю, когда захочу, ничто не сковывало моей свободы. Чаще всего я отправлялся к нему на машине. Срывался из Нью-Йорка, порой решая ехать в то же утро: пихал какие-то вещи в сумку, кидал ее на заднее сиденье и заводил мотор. Сворачивал на шоссе I-95, добирался до Балтимора и спускался южнее, во Флориду. Путь занимал двое суток, на ночь я останавливался в одном и том же отеле в Бофорте, в Южной Каролине; меня там уже знали. Если дело было зимой, я выезжал из Нью-Йорка, пронизанного ледяным ветром, снег лепил в ветровое стекло, я сидел в теплом свитере, держа одной рукой обжигающий кофе, а другой – руль. Спускался вниз по побережью и оказывался в Майами, в тридцатиградусной жаре, среди прохожих в футболках, нежащихся под ослепительным солнцем тропической зимы.

Иногда я летел самолетом и брал напрокат машину в аэропорту Майами. Время путешествия сокращалось вдесятеро, но сила чувства, охватывавшего меня по приезде, ослабевала. Самолет стеснял мою свободу расписанием вылетов, правилами компаний-перевозчиков, бесконечными очередями и пустым ожиданием из-за прохождения контроля безопасности, на который обрек все аэропорты теракт 11 сентября. Зато ощущение свободы, какое я испытывал, если накануне утром решал попросту сесть в машину и катить без остановки на юг, было почти беспредельным. Выезжаю, когда хочу, останавливаюсь, когда хочу. Я повелевал движением и временем. Все эти тысячи миль я уже выучил наизусть и все равно не мог не любоваться пейзажем и не изумляться размерам страны, которой, казалось, не будет конца. И вот наконец Флорида, потом Майами, потом Коконат-Гроув, а потом и его

улица. Когда я подъезжал к дому, он всегда сидел на крыльце. Он меня ждал. Я не предупредил, что приеду, но он ждал. Верно и преданно.

Шел третий день моей жизни в Коконат-Гроув. Явился я, как всегда, внезапно, и уставший от одиночества дядя Сол, увидев, как я выхожу из машины, на радостях обнял меня. Я изо всех сил прижал этого сломленного жизнью человека к своей груди. Провел кончиками пальцев по ткани дешевой рубашки и, закрыв глаза, вдохнул приятный запах туалетной воды – он один остался прежним. Запах снова переносил меня на террасу его роскошного дома в Балтиморе или на крыльцо его виллы в Хэмптонах во времена его славы. Я представлял себе рядом с ним блистательную тетю Аниту и моих чудесных кузенов, Вуди и Гиллеля. Вдыхая его запах, я возвращался в глубины своей памяти, в пригород Оук-Парк, и на миг вновь испытывал счастье от того, что жизнь свела меня с ними.

В Коконат-Гроув я целыми днями писал. Здесь я находил покой, необходимый для работы, и сознавал, что, живя в Нью-Йорке, так бы толком ничего и не сделал. Мне всегда нужно было куда-то уехать, отгородиться от всего. Если погода стояла теплая, я работал на террасе, а если становилось слишком жарко – в прохладном кабинете с кондиционером, который он обустроил специально для меня в гостевой комнате.

Обычно около полудня я делал перерыв и ходил в супермаркет его проведать. Он любил, когда я появлялся у него в супермаркете. Поначалу это было нелегко – я стыдился. Но я знал, что, заглянув в магазин, доставлю ему огромное удовольствие. Когда я туда входил, у меня всякий раз щемило сердце. Автоматические двери разъезжались, и я видел, как он хлопчет на кассе, раскладывает покупки клиентов по пакетам, сортируя их по весу и степени хрупкости. На нем был зеленый форменный фартук, а на фартуке – значок с его именем: “Сол”. Я слышал, как покупатели говорили: “Большое спасибо, Сол. Хорошего вам дня”. Держался он всегда приветливо и ровно. Я ждал, пока он освободится, махал ему рукой и видел, как светлело его лицо. “Марки!” – радостно восклицал он каждый раз, как будто я пришел впервые.

– Смотри, Линдси, это мой племянник Маркус, – говорил он соседней кассирше.

Кассирша глядела на меня, как любопытный зверек, и спрашивала:

– Это ты знаменитый писатель?

– Он, он! – отвечал за меня дядя так, словно я был президент Соединенных Штатов.

Она отвешивала мне нечто вроде поклона и обещала прочесть мою книгу.

Персонал супермаркета любил дядю, и когда я появлялся, всегда находилось кому его подменить. Тогда он тащил меня за стеллажи с товаром, демонстрировал коллегам. “Все хотят с тобой поздороваться, Марки. Тут некоторые принесли твою книгу, чтобы ты подписал. Тебя не затруднит?” Я всегда охотно соглашался. Завершался наш обход у стойки с кофе и соками, за которой стоял дядин любимчик, чернокожий парень, огромный, как гора, и нежный, как девушка. Звали его Сикоморус.

Сикоморус был примерно моих лет. Он мечтал стать певцом и в ожидании славы выжимал желаящим сок из живительных овощей. При каждом удобном случае он запирался в комнате отдыха, распевал модные песенки, прищелкивая в ритм пальцами и снимая себя на мобильный телефон, а потом выкладывал видео в социальные сети, дабы привлечь внимание остального мира к своему дарованию. Его главной мечтой было принять участие в телеконкурсе под названием “Пой!”, который шел на одном из федеральных каналов; там состязались начинающие исполнители – в надежде пробиться и прославиться.

Тогда, в начале июня 2010 года, дядя Сол помогал ему заполнить анкеты, чтобы он мог подать заявку на участие, приложив к ней видеозапись. Там шла речь о правах на изображение и ограничениях ответственности, а Сикоморус ничего в этом не понимал. Его роди-

телям очень хотелось, чтобы он прославился. Делать им было явно нечего, и они целыми днями таскались к своему мальчику на работу, дабы осведомиться о его будущем. Оба вечно торчали у стойки с соками, и пока не было клиентов, отец бранил сына, а мать пыталась их примирить.

Отец его был несостоявшимся теннисистом. Мать когда-то мечтала быть актрисой. Отец хотел, чтобы Сикоморус стал чемпионом по теннису. Мать хотела, чтобы он стал великим актером. В шестилетнем возрасте он не вылезал с корта и снялся в рекламе йогурта. В восемь лет его тошнило от тенниса, и он дал себе зарок больше никогда в жизни не брать в руки ракетку. Принялся бегать с матерью по кастингам в поисках роли, которая положит начало его карьере звездного дитяти. Но роль так и не нашлась, и теперь он выжимал соки – без диплома и без образования.

– Чем больше я думаю про эту твою передачу, тем больше убеждаюсь, что это все чепуха на постном масле, – твердил отец.

– Ты не понимаешь, па. С этой передачи начнется моя карьера.

– Пффф! Только людей насмешишь! Чем тебе поможет, если тебя покажут по телевизору? Ты же никогда не любил петь. Тебе надо было стать теннисистом. У тебя все данные. Жалко, мать приучила тебя лентяйничать.

– Ну па, – молил Сикоморус, тщетно пытаясь подольститься к отцу, – про эту передачу все говорят.

– Оставь его в покое, Джордж, ведь это его мечта, – ласково вступалась мать.

– Да, па! Песня – это моя жизнь.

– Ты пихаешь овощи в соковыжималку, вот что такое твоя жизнь. А мог бы стать чемпионом по теннису. Ты все испортил.

В итоге Сикоморус обычно начинал плакать. Чтобы успокоиться, он вытаскивал из-под стойки скоросшиватель, который каждый день приносил из дому в супермаркет и в котором хранил аккуратно подобранные статьи об Александре Невилл и обо всем, что с ней связано и что он счел заслуживающим интереса. Александра была образцом для Сикоморуса, его кумиром. В музыке он полагался только на нее. В его глазах она сама, ее карьера, ее песни, ее манера исполнять их по-новому на разных концертах – все было чистым совершенством. Он ездил за ней в каждое турне, привозил сувенирные футболки для подростков и регулярно их носил. “Если я буду знать про нее все, тогда, наверно, смогу добиться успеха, как она”, – говорил он. Сведения о ней он черпал главным образом из таблоидов: в свободное время жадно их читал и тщательно вырезал статьи.

Сикоморус искал утешения на страницах скоросшивателя, воображая, как однажды тоже станет звездой, а расстроенная мать подбадривала его:

– Посмотри, посмотри свою папку, дорогой, тебе полегчает.

Сикоморус любовался файлами-вкладышами, поглаживая их пальцами.

– Ма, однажды я стану как она... – говорил он.

– Она блондинка и белая, – раздражался отец. – Ты хочешь быть белой девицей?

– Нет, па, я хочу быть знаменитым.

– Вот в том-то и проблема, ты не певцом хочешь быть, а знаменитым.

В этом отец Сикоморуса был прав. Когда-то звездами в Америке были космонавты и ученые. А теперь наши звезды ничего не делают и целыми днями фотографируют – то себя, то свою еду. Пока отец распинался, у стойки выстраивалась нетерпеливая очередь желающих получить оздоровительный сок. В конце концов мать за рукав оттаскивала мужа.

– Да помолчи ты, Джордж, – сердито ворчала она. – Его скоро уволят из-за твоих попреков. Хочешь, чтобы сын из-за тебя вылетел с работы?

Отец отчаянно цеплялся за стойку и тихо взывал к сыну с последней мольбой, словно не замечая ничего вокруг:

- Обещай мне только одно. Что бы ни случилось, прошу, только не становись гомиком.
- Обещаю, папа.

И родители удалялись побродить среди стеллажей.

Дело происходило в самый разгар турне Александры Невилл. Она выступала, в частности, на “Американ-Эйрлайнс-арене” в Майами; об этом знал весь супермаркет, ибо Сикоморус, умудрившись раздобыть билет, повесил в комнате отдыха календарь и зачеркивал оставшиеся до ее выступления дни, а день концерта переименовал в *Alexandra Day*.

За несколько дней до концерта мы с дядей Солом сидели на террасе его дома в Коконат-Гроув, наслаждаясь вечерней прохладой, и он вдруг спросил:

- Маркус, ты, случайно, не мог бы свести Сикоморуса с Александрой?

– Это невозможно.

– Вы до сих пор не помирились?

– Мы уже несколько лет не разговариваем. Да если бы я и захотел, я даже не знаю, как с ней связаться.

– Сейчас покажу, что я нашел, когда наводил порядок, – сказал дядя Сол, поднимаясь со стула.

Он на миг скрылся в доме и вернулся с фотографией в руках. “Выпала из одной книжки Гиллеля”, – пояснил он. То самое пресловутое фото в Оук-Парке, с четырьмя подростками – Вуди, Гиллелем, Александрой и мной.

- Что произошло между вами с Александрой? – спросил дядя Сол.

– Неважно.

– Марки, ты знаешь, как мне приятно, когда ты здесь. Но иногда я беспокоюсь. Тебе надо больше бывать на людях, больше развлекаться. Завести подружку...

– Не беспокойся, дядя Сол.

Я хотел вернуть ему фото.

– Не надо, оставь себе, – сказал он. – Там сзади кое-что написано.

Я перевернул снимок и сразу узнал ее почерк. Она написала:

Я люблю вас, Гольдманы.

4

Встретив Александру в Бока-Ратоне тогда, в марте 2012 года, я стал каждое утро красть ее пса Дюка. Увозил его к себе, он целый день проводил со мной, а вечером я доставлял его обратно, к дому Кевина Лежандра.

Псу так у меня понравилось, что он стал поджидать меня у ворот Кевина. Я приезжал на рассвете: он уже сидел на месте, высматривая мою машину. Я выходил, он бросался ко мне, всячески выражая свою радость и пытаясь лизнуть в лицо. Я наклонялся его погладить, потом открывал багажник, он весело запрыгивал внутрь, и мы прямиком ехали ко мне. Потом Дюку надоело ждать, и он стал приходить сам. Каждый день в шесть утра он объявлял о своем прибытии тьяканьем под дверь; люди никогда не бывают настолько пунктуальны.

Нам было хорошо вдвоем. Я купил ему все атрибуты собачьего счастья: резиновые мячики, игрушки, чтобы грызть, корм, миски, лакомства, подстилки, чтобы ему было удобно. А под вечер отвозил его домой, и мы с одинаковой радостью встречали Александру.

Поначалу встречи были короткими. Александра благодарила меня, извинялась за беспокойство и отсылала обратно, ни разу не пригласив к себе даже на минутку.

А потом случилось так, что ее не было дома. Меня встретила эта мерзкая груда мускулов, Кевин, и, забрав пса, дружески сообщил: “Алекс нет”. Я попросил передать ей от меня привет и собрался было уезжать, но он предложил с ним поужинать. Я согласился. Надо ска-

зять, мы провели очень приятный вечер. В нем было что-то невероятно симпатичное. Что-то от славного отца семейства, отошедшего от дел в тридцать семь лет с несколькими миллионами на банковском счету! Так и видишь, как он отводит детишек в школу, тренирует их футбольную команду, устраивает барбекю на дни рождения. Самый настоящий сибарит.

В тот вечер Кевин мне рассказал, что повредил плечо и команда отправила его на покой. Днем он ходил на восстановительные процедуры, по вечерам жарил стейки, смотрел телевизор, спал. Он счел своим долгом пояснить, что Александра божественно делает ему массаж, сразу становится легче. Потом перечислил все движения, от которых ему больно, описал, какие упражнения делает на физиотерапии. Простой человек в самом прямом смысле слова; я никак не мог понять, что Александра в нем нашла.

Пока жарились стейки, он предложил проверить живую изгородь, поискать дыру, через которую убегает Дюк. Пошел осматривать одну половину изгороди, а я занялся другой. Я довольно быстро нашел прорытый Дюком огромный лаз, через который Дюк вылезал за ограду, но, разумеется, ни словом не обмолвился о нем Кевину. Заверил его, что моя часть изгороди в порядке (что было чистой правдой), он сказал, что его тоже, и мы пошли есть стейки. Его очень беспокоило, что Дюк удирает.

– Не пойму, что это на него нашло. Первый раз с ним такое. Для Алекс этот пес – вся ее жизнь. Боюсь, он рано или поздно под машину попадет.

– Сколько ему лет?

– Восемь. Для такой большой собаки уже старик.

Я быстро подсчитал. Восемь лет. Значит, она купила Дюка сразу после Драмы.

Мы выпили несколько банок пива. В основном он. Я незаметно выливал пиво на газон, чтобы он выпил больше. Мне надо было его умаслить. В конце концов я завел речь об Александре, и он под действием алкоголя разговорился.

Рассказал, что они вместе четыре года. Их роман начался в конце 2007-го.

– Я в то время играл за “Нэшвилл Предаторз”, а она в Нэшвилле жила; у нас была одна общая подруга. Я кучу времени убил, пытаюсь ее соблазнить. А потом, в канун Нового года, мы встретились на одной вечеринке, как раз у той подруги; там все и началось.

Я представил себе их первую ночь после новогоднего переоя, и меня чуть не стошнило.

– Любовь с первого взгляда, бывает. – Я прикинулся идиотом.

– Нет, поначалу было ох как трудно, – с трогательной откровенностью ответил Кевин.

– Да?

– Да. Видно, я был первый ее парень после того, как она порвала с предыдущим дружкой. Она мне ни разу про него не рассказывала. Что-то там серьезное случилось. Но что, не знаю. Не хочу на нее давить. Когда будет готова, сама расскажет.

– Она его любила?

– Предыдущего-то? По-моему, больше всего на свете. Думал, у меня так и не получится сделать так, чтобы она его забыла. Никогда с ней про это не говорю. Сейчас у нас все прекрасно, и лучше не бередить старые раны.

– Ты прав, конечно. Наверняка он был козел, тот чувак.

– Понятия не имею. Не люблю судить людей, которых не знаю.

Кевин просто бесил своей правильностью. Он отхлебнул еще пива, и я наконец задал вопрос, мучивший меня больше всего:

– А вы с Александрой никогда не думали пожениться?

– Я ей предлагал. Два года назад. Она расплакалась. И не от радости, если ты понимаешь, о чем я. Я так понял, это означало “не сейчас”.

– Печально слышать, Кевин.

Он дружески положил свою могучую руку мне на плечо:

– Люблю я ее.

– Заметно, – ответил я.

Мне вдруг стало стыдно, что я вот так влезаю в жизнь Александры. Она же просила меня держаться подальше, а я тут же свел дружбу с ее псом, а теперь приручил еще и ее приятеля.

Я уехал, не дожидаясь, пока она вернется.

Когда я поворачивал ключ в замке, до меня донесся голос Лео, сидевшего у себя на крыльце; в темноте его не было видно.

– Вы пропустили нашу партию в шахматы, Маркус.

Я вспомнил, что обещал ему сыграть, когда вернусь от Кевина; но я никак не думал, что останусь ужинать.

– Простите, Лео, совершенно забыл.

– Да ничего, неважно.

– Зайдете чего-нибудь выпить?

– С удовольствием.

Он пришел, и мы уселись на террасе; я разлил виски. На улице было очень тепло, лягушки в озере пели ночные песни.

– Не выходит у вас из головы эта девочка, а? – спросил Лео.

Я кивнул:

– А что, так видно?

– Ага. Я тут провел кое-какие разыскания.

– На предмет чего?

– На предмет вас с Александрой. И обнаружил кое-что крайне занятное: про вас ничего нет. А уж если я, целыми днями сидя в гугле, ничего не нашел, стало быть, и копать тут нечего. Что происходит, Маркус?

– Да я сам не знаю, что происходит.

– Не знал, что вы крутили с той киноактрисой, Лидией Глур. Об этом в сети есть.

– Очень недолго.

– Это не она играет в фильме по вашей первой книжке?

– Она.

– Это было до или после Александры?

– После.

Лео напустил на себя невозмутимый вид.

– Вы ей изменили с этой актрисой, так ведь? Вы с Александрой были счастливы. Успех слегка вскружил вам голову, вы увидели, что актриса падает от вас в обморок, и в одну жаркую ночь забылись. Я прав?

Я усмехнулся; меня позабавила игра его воображения.

– Нет, Лео.

– Ох, Маркус, ну сколько можно меня мариновать? Что произошло между вами и Александрой? И что случилось с вашими кузенами?

Лео не понимал, что его вопросы взаимосвязаны. Я не знал, с чего начать. О ком рассказать в первую очередь? Об Александре или о Банде Гольдманов?

Я решил начать с кузенов: чтобы говорить об Александре, надо было сперва все объяснить про них.

* * *

Расскажу вам сначала про Гиллеля, потому что он появился первым. Мы родились в один год, и он был мне как брат; его талант состоял в остром уме и врожденном уме-

нии провоцировать. Он был очень худенький, но, несмотря на хрупкое сложение, отличался сокрушительным напором и невероятным апломбом. В его тщедушном теле таилась широкая душа, а главное, неколебимое чувство справедливости. До сих пор помню, как он меня защищал, когда нам было от силы лет восемь – Вуди тогда еще не вошел в нашу жизнь. Дядя Сол с тетей Анитой отправили его на весенние каникулы в спортивный лагерь под открытым небом в Рединге, штат Пенсильвания; хотели, чтобы он физически окреп. Я, на положении брата, поехал с ним – не только ради счастья побыть вместе, но и для того, чтобы при необходимости защищать его от задир и хулиганов: в школе он из-за маленького роста вечно служил козлом отпущения. Но я не знал, что лагерь в Рединге был устроен для заморышей с задержками развития или выздоравливающих после болезни; среди всех этих хромых и косых я выглядел греческим богом, а потому вожатые всякий раз вызывали меня первым делать упражнения, пока остальные разглядывали носки своих кроссовок.

На второй день нам предстояли упражнения на гимнастических снарядах. Тренер собрал нас у колец, бревен, параллельных брусьев и громадных шестов.

– Начнем с первого основного упражнения – лазания по шесту. – Он указал на целый ряд шестов высотой как минимум метров восемь. – Вот, вы по одному лезете вверх, до конца, а потом, если можете, перебираетесь на соседний шест и съезжаете вниз, как пожарные. Кто начнет?

Вероятно, он ждал, что мы все ринемся к шестам, но никто не двинулся с места.

– Может быть, у вас есть вопросы? – спросил он.

– Да, – поднял руку Гиллель.

– Слушаю.

– Вы правда хотите, чтобы мы туда лезли?

– Безусловно.

– А если мы не хотим?

– Вы обязаны.

– Обязаны кому?

– Мне.

– А почему?

– А вот так. Я тренер, я и решаю.

– Вам известно, что за лагерь платят наши родители?

– Да, и что?

– И то, что, по факту, это мы вас наняли и вы должны нас слушаться. Мы могли бы вас попросить хоть ногти на ногах нам постричь, если бы захотели.

Тренер озадаченно воззрился на него. Потом попытался вернуть урок в обычное русло и приказал, придав голосу всю возможную властность:

– Але-гоп! Первый пошел, мы теряем время.

– На вид уж очень высоко, – не унимался Гиллель. – В них сколько, метров восемь – десять?

– Наверно, – ответил тренер.

– Что значит “наверно”? – возмутился Гиллель. – Вы даже своих снарядов не знаете?

– А теперь замолчи, пожалуйста. Раз никто не хочет начать, я вызову сам.

Естественно, тренер указал на меня. Я возразил, что и так всегда все делаю первым, но тренер не желал ничего слушать.

– Быстро лезь на тот шест, – велел он.

– А почему бы вам самому не влезть? – опять вмешался Гиллель.

– Что?

– Взяли бы и сами полезли первым.

– Я не позволю какому-то мальчишке мной командовать! – отбивался тренер.

– Бойтесь? – спросил Гиллель. – Я бы на вашем месте боялся. По-моему, эти палки довольно-таки опасные. Знаете, я не ипохондрик, но где-то я читал, что, если упасть с трехметровой высоты, вполне можно сломать позвоночник и остаться парализованным на всю жизнь. Кто хочет остаться парализованным на всю жизнь? – обратился он к нам.

– Не я! – хором ответили мы.

– Молчать! – рявкнул тренер.

– Вы уверены, что у вас есть диплом тренера по гимнастике? – не отставал Гиллель.

– Само собой! А теперь хватит!

– По-моему, нам всем было бы спокойнее, если бы вы нам свой диплом показали.

– Но у меня же с собой его нет! – возразил тренер; его самоуверенность сдувалась на глазах, как воздушный шарик.

– У вас его нет с собой или у вас его нет вообще? – нахально спросил Гиллель.

– Дип-лом! Дип-лом! – завопили мы все.

Мы скандировали до тех пор, пока тренер, выйдя из себя, не прыгнул по-обезьяньи на шест и не полез вверх, показать, на что он способен. Ему, разумеется, хотелось произвести на нас впечатление, он делал кучу лишних движений, и случилось то, что должно было случиться: руки у него соскользнули, и он упал с вершины шеста, с высоты семи с половиной метров, если быть точным. Рухнул на землю и страшно закричал. Мы все пытались его утешать, но врачи скорой помощи объяснили, что он сломал обе ноги и до конца смены мы его больше не увидим. Гиллеля отправили из лагеря домой, а заодно и меня. Тетя Анита и дядя Сол приехали нас забирать и повезли в больницу округа, чтобы мы извинились перед бедным тренером.

Через год после той истории Гиллель встретил Вуди. Ему исполнилось девять, но он по-прежнему оставался очень маленьким и худеньким и по-прежнему был для одноклассников мальчиком для битья; его прозвали Креветкой. Дети так его донимали, что он за два года трижды сменил школу. Но в каждом новом классе его мучили так же, как в предыдущих. Он мечтал только об одном – жить нормальной жизнью, иметь друзей по соседству и быть во всем похожим на них. Он страстно любил баскетбол. Просто обожал. Иногда на выходных он звонил одноклассникам: “Алло? Это Гиллель... Гиллель. Гиллель Гольдман”. Повторял свое имя, куда не сдавался и не говорил: “Это Креветка...” Только тогда мальчишка на другом конце провода его узнавал, иногда в этом даже не было злого умысла. “Хотел спросить, ты не собираешься на спортплощадку после обеда?” Ему отвечали, что нет, не собираются. Но Гиллель знал, что они врут. Он вежливо вешал трубку, а через час говорил родителям: “Пойду поиграю с ребятами в баскетбол”. Седлал велосипед и исчезал до конца дня. Ехал на спортивную площадку, где, естественно, были его приятели, которых там не должно было быть. Он ни в чем их не упрекал, садился на скамейку и ждал, вдруг и ему позволят поиграть. Но никому не хотелось иметь в своей команде Креветку. Домой он возвращался грустный, но старался держаться, несмотря ни на что. Не хотел, чтобы родители из-за него волновались. Они садились ужинать; на нем была майка с Майклом Джорданом на спине, из которой, как прутки, торчали руки.

– Поиграл немножко? – спрашивал дядя Сол.

Он пожимал плечами:

– Так себе. Ребята говорят, игрок из меня неважный.

– А я уверен, что ты играешь как чемпион.

– Нет, я правда мало на что гожусь. Но если мне не дают шанса, как же я научусь?

Дяде с тетей стоило большого труда найти золотую середину в стремлении и защитить его, и дать соприкоснуться на опыте с непростым миром. В конце концов они остановили выбор на знаменитой частной школе Оук-Три, расположенной совсем близко от их дома.

Школа им сразу понравилась. Их принял директор, мистер Хеннингс; он показал им здания и рассказал, какое это выдающееся учебное заведение: “Школа Оук-Три – одна из лучших в стране. Уроки на высшем уровне, учителя со всех концов Америки, специально разработанные программы”.

В школе поощрялось творчество: в ней имелись художественные и гончарные мастерские, музыкальные классы; ее гордостью была еженедельная газета, которую от начала до конца делали ученики в самой настоящей редакции, оборудованной по последнему слову. Окончательно убедила дядю Сола и тетю Аниту исполненная директором Хеннингсом волшебная ария для отчаявшихся родителей: “Счастливые дети, мотивация, профориентация, ответственность, репутация, качество, тело и дух, все виды спорта, левада для чемпионов в верховой езде”.

Не знаю, как Гиллель умудрился всего за три дня восстановить против себя всех без исключения учеников Оук-Три, но он этот подвиг совершил. Выказав свою доблесть, дальше он снискал неприязнь большинства учителей: выискивал опечатки в сборниках упражнений, уличал преподавателя в неправильном произношении латинского слова и, наконец, задавал вопросы “не по возрасту”.

– Это ты узнаешь в третьем классе, – отвечал учитель.

– А почему не сейчас, раз я вас спрашиваю?

– Потому что так положено. В программе этого нет, а программа есть программа.

– Может, ваша программа не соответствует классу?

– А может, это ты не соответствуешь классу, Гиллель?

В школьных коридорах он сразу бросался в глаза. Одевался в клетчатую рубашку, застегнутую до самого горла, чтобы никто не увидел баскетбольной майки, которую он всегда поддевал вниз в надежде осуществить однажды свою мечту: расстегнуть пуговицы и под восхищенные крики учеников явиться перед ними непобедимым атлетом, раз за разом забрасывающим мяч в корзину. Рюкзак у него был набит книгами из городской библиотеки, и он никогда не расставался с баскетбольным мячом.

Ему понадобилось провести в Оук-Три не больше недели, чтобы превратить свою жизнь в ежедневный ад. Дело в том, что вскоре его возненавидел коротконогий толстяк по имени Винсент, гроза класса, которого ученики прозвали Хряк.

Трудно сказать, кто открыл военные действия. Ибо Хряк, как видно уже из прозвища, был для других детей мишенью постоянных насмешек. На прогулке во внутреннем дворе все кричали ему, зажимая нос: “Почему воняет тяжко? Потому что Хряк – какашка!” Хряк бросался на них с кулаками, но все разбегались, как стадо испуганных антилоп, и в результате самый слабый, Гиллель, попадался ему в лапы и расплачивался за всех. Обычно Хряк, боясь, как бы его не засек учитель, только выворачивал ему руку и говорил: “До скорого, Креветка. Приоденься, будет праздник!” После уроков Хряк устремлялся на баскетбольное поле возле школы, где Гиллель бросал мяч в корзину, и радостно его лупил, а одноклассники сбегались поглядеть на забавное зрелище. Под их одобрительные аплодисменты Хряк хватал его за ворот, таскал по земле и хлестал по щекам.

Поскольку никого, кроме Гиллеля, Хряк поймать не мог, он стал тиранить его постоянно. Цеплялся к нему прямо с первого урока и не отставал. Остальные ученики стали считать его парией. Не прошло и трех недель, как Гиллель стал молить мать не отправлять его больше в Оук-Три, но тетя Анита просила его постараться.

– Гиллель, дорогой, мы не можем все время переводить тебя из школы в школу. Если так будет продолжаться, если ты не способен адаптироваться к школьной среде, тебя придется отправить в коррекционную школу...

Говорила она очень ласково и почти обреченно. Гиллелю не хотелось ни огорчать мать, ни тем более оказаться в коррекционной школе; пришлось согласиться на ежедневные взбучки после уроков.

Я знаю, что тетя Анита водила его по магазинам и, вспоминая знакомых мальчиков его возраста, пыталась подобрать ему более стандартную одежду. Оставляя его утром в школе, она очень просила: “Не высывайся, ладно? И заведи себе друзей”. Она давала ему вместе с завтраком булочки, чтобы он задабривал ими одноклассников. Он отвечал: “Знаешь, мама, друзей булочками не купишь”. Она смотрела на него обескураженно. На перемене Хряк вытряхивал его рюкзак на землю, подбирал булочки и насильно запихивал ему в рот. Вечером тетя Анита спрашивала: “Понравились твоим друзьям булочки?” – “Очень, ма”. На следующий день она клала их еще больше, не подозревая, что обрекает сына на рекорды в растяжке рта. Зрелище это скоро стало гвоздем программы: все школьники собирались вокруг Гиллеля во внутреннем дворе, чтобы посмотреть, как Хряк будет заталкивать ему в горло полдюжину булочек. И все вопили: “Жри! Жри! Жри! Жри!” В конце концов галдеж привлек внимание учителя, тот поставил Гиллелю плохую отметку и написал в дневнике:

Любит привлекать к себе внимание, но не любит делиться.

Тетя Анита рассказала о своих тревогах педиатру, который вел Гиллеля:

– Доктор, ему не нравится школа. Он плохо спит по ночам, плохо ест. Ему плохо, я чувствую.

Врач повернулся к Гиллелю:

– Мама правду говорит?

– Да, доктор.

– Почему тебе не нравится школа?

– Мне не школа не нравится, а ребята.

Тетя Анита вздохнула:

– Вечно одно и то же, доктор. Он говорит, что это ребята. Но мы уже несколько школ сменили...

– Ты понимаешь, Гиллель, что если ты не приложишь усилий и не вольешься в класс, то отправишься в специальную школу?

– Только не в спецшколу... Я не хочу.

– Почему?

– Я хочу ходить в нормальную школу.

– Тогда все в твоих руках, Гиллель.

– Знаю, доктор, знаю.

Хряк колотил его, грабил, унижал. Заставлял его пить из каких-то бутылок с желтоватой жидкостью, вливал в него целые лужи тухлой воды, мазал ему лицо грязью. Поднимал его в воздух, как пруттик, тряс, словно погремушку, кричал: “Ты креветка, собачье дерьмо, дебильная рожа!”, а когда запасы брани истощались, бил кулаком под дых. Гиллель был страшно тощий, и Хряк подбрасывал его, как бумажный самолетик, лупил ранцем, сдавливал голову, выворачивал во все стороны руки, а под конец говорил: “Лижи мне ботинки, тогда больше не буду”. И Гиллель подчинялся, только чтобы тот отстал. Вставал на четвереньки на глазах у всех и лизал шнурки Хряку, а тот попутно бил его ногой в лицо. Половина учеников хохотала, а вторая половина, поддавшись стадному инстинкту, бросалась на него и тоже лупила. Они прыгали на нем, давили ему руки, таскали за волосы. У всех была лишь одна цель – собственное спасение. Пока Хряк будет возиться с Гиллелем, их он не тронет.

Представление заканчивалось, и все расходились. “Наябедничаешь – пришьем!” – тьявал Хряк, награждая его последним плевком в лицо. “Ага, пришьем!” – вторил хор прихлеба-

телей. Гиллель лежал на земле, распластанный, словно перевернутый на спину жук, а потом, когда все стихало, вставал, брал свой мяч и получал наконец в свое распоряжение пустую баскетбольную площадку. Забрасывал мяч в корзины, разыгрывал воображаемые матчи и к ужину возвращался домой. Увидев его расхристанную фигуру и рваную одежду, тетя Анита в ужасе восклицала: “Боже, Гиллель, что случилось?” А он лучезарно улыбался, скрывая боль, чтобы не причинять ее матери, и отвечал: “Ничего, ма, просто чумовой был матч”.

Милях в двадцати оттуда, в восточных кварталах Балтимора, в интернате для трудных подростков жил Вуди. Директор интерната, Арти Кроуфорд, был старым другом дяди Сола и тети Аниты, и они оба активно помогали приюту как волонтеры: тетя Анита устраивала бесплатные медицинские консультации, а дядя Сол развернул там юридическую приемную, помогая воспитанникам и их семьям в разного рода административных делах и процедурах.

Вуди был нашим ровесником, но полной противоположностью Гиллелю: он значительно опережал нас в физическом развитии и выглядел гораздо старше. В восточных кварталах Балтимора, вдалеке от тихого Оук-Парка, буйно цвела преступность, торговля наркотиками и насилие. Интернату с трудом удавалось приучать детей к школе: дурная среда засасывала их, а соблазн заменить отсутствующую семью бандой был слишком велик. К числу таких детей принадлежал и Вуди: драчливый, но неплохой мальчик, легко поддающийся чужому влиянию, он полностью зависел от парня постарше, Девона, покрытого татуировками, порой промышлявшего наркодилерством и не расстававшегося с пистолетом, который он таскал в кармане и любил вытаскивать где-нибудь в темном проулке.

Дядя Сол знал Вуди: ему не раз приходилось за него вступаться. Мальчишка был чудный, вежливый, но все время дрался; поэтому его регулярно задерживал патруль. Дяде Солу он очень нравился, потому что дрался всегда за какое-то доброе дело: то кто-нибудь оскорбил старушку, то друг попал в передрагу, то пристают к малышу и требуют у него денег, – и вот он уже кулаками вершит суд. Дядя Сол защищал Вуди, и ему всегда удавалось убедить полицию отпустить его, не доводя дело до суда. Вплоть до того дня, когда Арти Кроуфорд, директор интерната, позвонил ему поздно вечером и сообщил, что у Вуди опять неприятности: на сей раз все очень серьезно – он ударил полицейского.

Дядя Сол немедленно поехал в отделение на Истерн-авеню, куда доставили задержанного Вуди. По пути, чтобы подготовить почву, он даже решился побеспокоить заместителя шерифа, своего доброго знакомого: вдруг понадобится поддержка в верхах, чтобы дело не попало к какому-нибудь чересчур ретивому судье. Прибыв на место, он, однако, обнаружил Вуди не в камере и не в наручниках на скамейке, а в комнате для допросов – тот, устроившись поудобнее, читал комикс и пил горячий шоколад.

– Вуди, с тобой все в порядке? – спросил дядя Сол, входя.

– Добрый вечер, мистер Гольдман, – ответил мальчик. – Простите, что заставил вас волноваться. Все прекрасно, полицейские страшно милые.

Ему еще не исполнилось десяти, но сложен он был как подросток лет тринадцати – четырнадцати. Рельефная мускулатура, мужественные синяки на лице. К тому же растопил сердца местных полицейских, и те угощают его горячим шоколадом.

– И как ты им отплатил? – сердито отозвался дядя Сол. – Кулаком по морде? Да что на тебя нашло, Вуди? Ударить полицейского! Ты знаешь, чем это грозит?

– Я не знал, что он полицейский, мистер Гольдман. Честное слово. Он был в штатском.

По словам Вуди, он ввязался в драку трех парней вдвое старше себя, и покуда пытался их разнять, подоспел полицейский в штатском, которому в свалке достался удар, сбивший его с ног.

В эту минуту в комнату вошел один из инспекторов, глаз у него был изрядно подбит.

Вуди вскочил и тепло обнял его:

– Простите еще раз, инспектор Джонс, я вас принял за какого-то урода.

– Да ладно, бывает. Проехали. Слушай, если понадобится помощь, звони, не стесняйся.

Инспектор протянул ему визитку.

– Так что, инспектор, я могу идти?

– Иди. Но в следующий раз, когда увидишь драку, вызывай полицию, а не пытайся сам наводить порядок.

– Ладно.

– Хочешь еще горячего шоколада? – спросил инспектор.

– Нет, он не хочет еще горячего шоколада! – рявкнул дядя Сол. – Инспектор, уважайте себя, в конце концов, он вас все-таки ударил!

Выйдя с Вуди за дверь, он прочитал ему нотацию:

– Вуди, ты понимаешь, что рано или поздно влипнешь по-настоящему? Думаешь, тебе всегда будут попадаться добрые копы и добрые адвокаты, которые вытаскивают тебя из дерьма? Ты же в итоге в тюрьму сядешь, ясно?

– Да, мистер Гольдман. Я знаю.

– Тогда почему ты себя так ведешь?

– По-моему, это у меня талант такой. Талант драться.

– Ну так найди себе другой талант, пожалуйста. И вообще, мальчику в твоём возрасте нечего делать на улице по ночам. Ночью надо спать.

– Я не мог заснуть. Мне не очень нравится в этом интернате. Ну и захотелось прогуляться.

В дежурной части их дожидался Арти Кроуфорд.

Вуди еще раз поблагодарил дядю Сола:

– Вы мой спаситель, мистер Гольдман.

– На сей раз моя помощь не понадобилась.

– Но вы всегда за меня заступаетесь.

Вуди вынул из кармана семь долларов и протянул ему.

– Это еще что такое? – удивился дядя Сол.

– Это все деньги, какие у меня есть. Это вам плата. В благодарность за то, что вытаскиваете меня из дерьма.

– Не надо говорить “дерьмо”. И тебе незачем мне платить.

– Вы первый сказали “дерьмо”.

– И я зря сказал. Очень сожалею.

– Мистер Кроуфорд говорит, что всегда надо так или иначе платить людям за услуги.

– Вуди, ты хочешь мне заплатить?

– Да, мистер Гольдман. Очень хочу.

– Тогда веди себя так, чтобы больше тебя не задерживали. Это будет для меня самая высокая плата, самый лучший мой гонорар. Встретить тебя через десять лет и знать, что ты поступил в хороший университет. Встретить красивого, успешного юношу, а не преступника, который полжизни провел в тюрьмах для несовершеннолетних.

– Постараюсь, мистер Гольдман. Вы будете мной гордиться.

– И ради всего святого, хватит называть меня “мистер Гольдман”. Зови меня Соллом.

– Да, мистер Гольдман.

– Ладно, беги давай и становись хорошим человеком.

Но у Вуди было свое понимание чести. Ему непременно хотелось отблагодарить дядю за помощь, и на завтра он явился в его бюро.

– Ты почему не в школе? – рассердился дядя Сол, когда тот вырос на пороге его кабинета.

– Я хотел с вами повидаться. Я обязательно должен что-то для вас сделать, мистер Гольдман. Вы были так добры ко мне.

– Считаю, что это жизнь тебе помогла.

– Я могу стричь вам газон, если хотите.

– Мне не надо стричь газон.

Но Вуди настаивал. Идея стричь газон казалась ему потрясающей.

– Не, ну я вам его безукоризненно постригу. У вас будет необыкновенный газон.

– С моим газоном все в полном порядке. Почему ты не в школе?

– Из-за вашего газона, мистер Гольдман. Я был бы просто офигенно рад постричь ваш газон в благодарность за вашу доброту.

– Не стоит труда.

– Ну мне очень хочется, мистер Гольдман.

– Вудро, подними, пожалуйста, правую руку и повторяй за мной.

– Да, мистер Гольдман.

Он поднял правую руку, и дядя Сол торжественно произнес:

– Я, Вудро Маршалл Финн, клянусь, что больше не окажусь в дерьме.

– Я, Вудро Маршалл Финн, клянусь, что больше не окажусь... Вы сказали, что не надо говорить “дерьмо”, мистер Гольдман.

– Отлично. Тогда так: клянусь, что больше не буду иметь неприятности.

– Клянусь, что больше не буду иметь неприятности.

– Ну вот, ты заплатил. Мы квиты. А теперь возвращайся в школу, да поскорее.

Вуди что-то пробурчал себе под нос, но послушался. Ему не хотелось возвращаться в школу, ему хотелось постричь газон у дяди Сола. Он понуро поплелся к двери и тут заметил на столе фотографии.

– Это ваша семья? – спросил он.

– Да. Это моя жена Анита и мой сын Гиллель.

Вуди взял в руки одно фото и стал рассматривать лица.

– Классные какие. Вы везучий.

В эту минуту дверь распахнулась и в кабинет влетела тетя Анита; в смятении она даже не заметила Вуди.

– Сол! – воскликнула она со слезами на глазах. – Его опять отлупили в школе! Он говорит, что больше не хочет туда идти. Я не знаю, что делать.

– Что случилось?

– Он говорит, что ребята над ним издеваются. Говорит, что вообще больше никуда не пойдет.

– Мы же в мае его перевели в другую школу, – вздохнул дядя Сол. – А потом все лето потратили, чтобы отдать в эту. Нельзя же опять его забирать. Ад какой-то.

– Знаю... Ох, Сол! Я в отчаянии...

5

После того ужина с Кевином в Бока-Ратоне, в начале марта 2012 года, я немного сблизился с Александрой.

В следующие дни, когда я привозил сбежавшего Дюка, она снова стала пускать меня в дом и даже предлагала попить. Давала обычно бутылку воды или банку газировки, и я глотал ее залпом, стоя на кухне, но и это было немало.

– Спасибо за тот вечер, – однажды сказала она, когда мы с ней были одни. – Уж не знаю, что ты сделал Кевину, но ты ему очень понравился.

– Просто был самим собой.

Она улыбнулась:

– Спасибо, что ничего не сказал ему про нас. Я очень дорожу Кевином и не хочу, чтобы он вообразил, будто между нами еще что-то осталось.

У меня болезненно сжалось сердце.

– Кевин сказал, что ты не захотела выйти за него замуж.

– Тебя это не касается, Маркус.

– Кевин очень славный, но ты ему не пара.

Я тут же пожалел, что сморозил такую глупость. Куда я лезу? Но она только пожала плечами:

– А у тебя есть Лидия.

– Откуда ты знаешь про Лидию? – спросил я.

– Читала во всяких глупых журналах.

– О чем тут говорить, это история четырехлетней давности. Мы давным-давно не вместе... Просто интрижка.

Я решил сменить тему и показал Александре фото, оно у меня было с собой.

– Помнишь?

Она погладила снимок кончиками пальцев и грустно улыбнулась:

– Кто бы тогда мог подумать, что ты станешь знаменитым писателем?

– А ты – звездой эстрады?

– Без тебя я бы ею не стала...

– Не надо.

Мы помолчали. И вдруг она назвала меня так, как называла прежде, – Марки.

– Марки, – прошептала она, – мне тебя уже восемь лет не хватает.

– Мне тебя тоже. Я следил за всеми твоими выступлениями.

– А я читала твои романы.

– Понравилось?

– Да. Очень. Я часто перечитываю некоторые места в твоём первом романе. Вспоминаю твоих кузенов. Банду Гольдманов.

Я улыбнулся, по-прежнему держа в руках снимок и не сводя с него глаз.

– Ты прямо оторваться не можешь от этого фото, – сказала она.

– Не знаю, то ли я от него, то ли оно от меня.

Я убрал фотографию в карман и уехал.

В тот день, выезжая из ворот Кевина, я не заметил, что на улице стоял черный микроавтобус; мужчина за рулем следил за мной.

Я свернул на шоссе, и он поехал за мной.

Балтимор, Мэриленд, ноябрь 1989 года

С тех пор как Вуди сказал, что хочет стричь газон у Гольдманов, его просьба не выходила у дяди Сола из головы. Особенно после того, как Арти пришел к ним на ужин и рассказал, как чертовски трудно держать мальчика в узде.

– Хотя в школе ему нравится. Любит учиться, и голова на месте. Но вот после уроков творит невесть что, невозможно же за ним все время приглядывать.

– А что с его родителями? – спросил дядя Сол.

– Мать давным-давно исчезла из поля зрения.

– Наркоманка?

– Да нет, просто слиняла. Молодая была. Отец тоже. Решил, что и один может воспитать мальчишку, но когда завел себе серьезную подружку, дома началось черт-те что. Малыш бесился, готов был драться со всем миром. Вмешались социальные службы, судья по делам несовершеннолетних. Поместили его в интернат, якобы на время, но потом подружку отца

перевели по работе в Солт-Лейк-Сити, и папаша пустился за ней через всю страну; женился, наделал детей. Вудро остался в Балтиморе, про Солт-Лейк-Сити он и слышать не хочет. Они время от времени созваниваются, отец ему иногда пишет. Больше всего меня тревожит, что Вудро все время с этим типом, Девонот: тот преступник чистой воды, курит крэк и балуется с пушкой.

Дядя Сол подумал, что если Вуди после школы будет стричь газоны, у него не останется времени болтаться по улицам. Он переговорил с Деннисом Бунсом, старым садовником, почти в одиночку ухаживавшим за всеми садами в Оук-Парке.

– Я никого не нанимаю, мистер Гольдман. Тем более малолетних преступников.

– Он парень стоящий.

– Он преступник.

– Вам нужна помощь, вам же чем дальше, тем труднее справляться с такой кучей дел.

Дядя Сол был прав: Бунс выбивался из сил, но жмотился платить помощнику.

– А платить ему кто будет? – обреченно спросил он.

– Я, – ответил дядя Сол. – Пять долларов в час ему и два вам за обучение.

Бунс после недолгих колебаний согласился, но уточнил, грозно наставив палец на дядю

Сола:

– Предупреждаю, если этот мелкий стервец ломает мне инструменты или меня обворует, платить будете вы.

Но Вуди ни о чем таком и не думал. Он был счастлив, что дядя Сол предложил ему работать у Бунса.

– А вашим садом я тоже буду заниматься, мистер Гольдман?

– Наверно, иногда. Но главное, будешь помогать мистеру Бунсу. И слушаться его.

– Я буду хорошо работать, обещаю.

После уроков и на выходных Вуди запрыгивал в городской автобус и мчался в Оук-Парк. Бунс поджидал его в своем грузовичке неподалеку от остановки, и они объезжали сады.

Оказалось, что Вуди – помощник добросовестный и усердный. Через несколько недель на улицы Мэриленда пришла осень. Листва на столетних деревьях Оук-Парка покраснела и пожелтела, а потом дождем хлынула на аллеи. Надо было чистить газоны, готовить растения к зиме и накрывать бассейны брезентом.

А в это время в школе Оук-Три Хряк по-прежнему мучил Гиллеля. Кидался в него шишками и камнями, связывал и заставлял есть землю и сэндвичи с помойки. “Лопай! Лопай! Лопай!” – весело распевали мальчишки, когда Хряк зажимал ему нос, чтобы он открыл рот и проглотил. Если Гиллелю хватало сил, он обливал Хряка презрением и горячо благодарил: “Спасибо за вкусный обед, я как раз в полдень не наелся”. Тогда удары сыпались на него с новой силой. Хряк выворачивал его портфель на землю, швырял книги и тетради в мусорную корзину. Гиллель на досуге начал писать стихи, и тетрадка с ними в итоге, разумеется, тоже попала в лапы Хряку; тот заставил его съесть несколько страниц, предварительно зачитав всем плоды его творчества, а остальное сжег. Гиллель сумел спасти от аутодафе одно стихотворение, которое написал своей тайной любви, хрупкой блондинке по имени Хелена, не пропускавшей ни одного представления Хряка. Он усмотрел в этом знак свыше, собрал всю волю в кулак и поднес стихи Хелене. Та пересняла их и развесила по всей школе. Они попались на глаза миссис Чериот, куратору школьной газеты; та похвалила малышку Хелену за поэтический дар, поставила высокую отметку и напечатала стихи в газете за подписью Хелены.

Перечень походов Гиллеля к врачу становился все длиннее – особенно из-за постоянных воспалений во рту, – и встревоженная тетя Анита в конце концов пошла к директору Хеннингсу:

– По-моему, моего сына в школе обижают.

– Нет-нет, в Оук-Три никого не обижают, у нас есть надзиратели, правила, хартия сосуществования. Мы – школа счастья.

– Гиллель каждый день приходит в рваной одежде. Его тетради либо испорчены, либо их вообще нет.

– Ему надо быть аккуратнее. Вы же знаете, если он небрежно относится к тетрадям, у него будет плохая отметка в табеле.

– Мистер Хеннингс, он очень аккуратный. По-моему, кто-то сделал из него мальчика для битья. Не знаю, что происходит в вашей школе, но мы платим двадцать тысяч долларов в год, а у сына, когда он приходит домой, полон рот бактерий. Наверно, это все же что-то значит?

– Он хорошо моет руки?

– Да, он очень хорошо моет руки.

– Видите ли, многие мальчики в его возрасте такие поросята...

В конце концов тете Аните надоело ходить вокруг да около, и она сказала:

– Мистер Хеннингс, у сына постоянно синяки на лице. Что мне делать? Заставить его найти общий язык с одноклассниками или отдать в специальное учреждение? Честно говоря, иногда по утрам, отпуская его в школу, я просто не знаю, что еще с ним случится...

Она разрыдалась, а поскольку директор Хеннингс больше всего боялся каких-то осложнений в Оук-Три, он стал ее утешать, обещал исправить положение и вызвал Гиллеля, чтобы разобраться.

– Мальчик мой, у тебя сложности в школе?

– Скажем так, у меня бывают неприятности, когда я хожу на баскетбольную площадку за школой после уроков.

– А! И как бы ты описал ситуацию? Наверно, это можно назвать озорством?

– Это называется агрессией.

– Агрессией? Нет-нет, в Оук-Три не бывает агрессии. Они, наверно, озорничают. Знаешь, если мальчики устраивают возню, это естественно. Мальчики любят баловаться.

Гиллель пожал плечами:

– Не знаю, господин директор. Я хочу одного – спокойно поиграть в баскетбол.

Директор почесал затылок, оглядел худющего, но самоуверенного мальчика и предложил:

– А если мы тебя включим в школьную баскетбольную команду? Что скажешь?

Хеннингс подумал, что так мальчик мог бы играть в свой мяч, но под присмотром взрослого. Гиллель обрадовался, и директор тут же повел его к учителю физкультуры:

– Шон, мы можем включить этого юного чемпиона в баскетбольную команду?

Шон смерил взглядом крошечный скелетик с умоляющими глазами:

– Это невозможно.

– Почему?

Шон наклонился к директору и прошептал ему на ухо:

– Фрэнк, у нас баскетбольная команда, а не инвалидная.

– Э, я не инвалид! – возмутился Гиллель. Он все слышал.

– Нет, но ты тощий как спичка, – возразил Шон. – Для нас ты будешь инвалидом.

– А если попробовать? – предложил директор.

Учитель физкультуры снова склонился к нему:

– Фрэнк, мест в команде нет. А есть лист ожидания метровой длины. Если мы сделаем для мальчишки исключение, придется иметь дело с родителями других учеников, а мне только этого не хватало. И скажу прямо: если он выйдет на площадку, мы проиграем. А мы в этом году и так выглядим не лучшим образом. У нас и так результаты в баскетболе не блестящие, а уж тут...

Хеннингс кивнул и, повернувшись к Гиллелю, немедленно изобрел кучу правил внутреннего распорядка, согласно которым никак нельзя менять состав баскетбольной команды в течение учебного года. Тут в зал на тренировку ввалилась целая орда мальчишек, и Гиллель с директором уселись на скамейку под трибунами.

– Ну и что мне делать? – спросил Гиллель.

– Ты можешь назвать мне имена озорников. Я их вызову и сделаю внушение. Еще мы можем организовать мастер-класс по борьбе с озорством.

– Нет, так еще хуже. Вы же сами понимаете.

– Тогда почему ты просто не уйдешь от этих безобразников? – рассердился Хеннингс. – Не ходи на спортплощадку, если не хочешь, чтобы они тебе мешали, вот и все.

– Я не собираюсь бросать баскетбол.

– Упрямство – нехорошая черта, мой мальчик.

– Я не упрямый. Я не хочу уступать фашистам.

Хеннингс побелел как мел.

– Ты где слышал такое нехорошее слово? Надеюсь, тебя не на уроке научили таким словам? В школе Оук-Три таким словам не учат.

– Нет, я в книге прочитал.

– В какой книге?

Гиллель открыл портфель и вытащил книгу по истории.

– Это что за ужас? – проблеял Хеннингс.

– Книга, я ее взял в библиотеке.

– В школьной библиотеке?

– Нет, в городской.

– Уф, слава богу! Так вот, я тебя прошу: больше не приноси эту отвратительную книгу в школу и оставь свои измышления при себе. Мне не нужны неприятности. Но ты, я вижу, очень много всего знаешь. Тебе надо использовать свою силу, чтобы себя защитить.

– Но у меня нет никакой силы! В том-то и проблема.

– Твоя сила в уме. Уж больно ты умный мальчик... А в сказках умный всегда побеждает сильного...

Урок директора Хеннингса не пропал даром. В тот же день после уроков Гиллель прямо в школьной редакции написал рассказ и отдал его миссис Чериот, чтобы она напечатала его в ближайшем номере газеты. В нем говорилось о маленьком мальчике, который учится в частной школе для богатых и которого одноклассники на каждой перемене привязывают к дереву и мучают всеми возможными способами – в частности, придумывают незаметные, но омерзительные пытки, из-за которых у юного героя начинается страшное воспаление во рту. Никому из взрослых нет дела до его мук, и прежде всего директору школы: он вместе с учителем физкультуры облизывает с ног до головы родителей учеников. В финале школьники поджигают дерево вместе с мальчиком и пляшут вокруг костра, распевая благодарственный гимн учителям, которые позволяют им без помех издеваться над слабыми.

Прочитав рассказ, миссис Чериот немедленно поставила в известность директора Хеннингса; тот запретил его печатать и вызвал к себе Гиллеля.

– Ты отдаешь себе отчет, что в твоём рассказе полно слов, которые у нас говорить запрещено? – негодовал Хеннингс. – Не говоря уж о содержании этой дурацкой истории. Как ты смеешь обвинять учителей?

– То, что вы делаете, называется цензура, – возразил Гиллель, – фашисты тоже так делали, я читал в книге.

– Может, хватит уже болтать про фашизм? Это не цензура, а здравый смысл! У нас в Оук-Три действуют правила морали, ты их нарушил!

– А ничего, что в предыдущем номере напечатали мое письмо Хелене?

– Я тебе уже объяснял, миссис Чериот думала, что это она написала стихи.

– Но когда стихи появились в газете, я ей говорил, что это я их автор!

– Правильно сделал, что сказал.

– Но она должна была запретить распространять газету!

– Это еще почему?

– Потому что для меня публикация этого письма страшно унижительна!

– Знаешь, Гиллель, мне надоели твои капризы! Стихи очень милые, в отличие от этого рассказа. Он просто напичкан всякими мерзостями и грубостями.

Директор Хеннингс отправил Гиллеля к школьному психологу.

– Я прочитал твой текст, – сказал психолог, – он мне показался интересным.

– Больше никому так не показалось.

– Мистер Хеннингс сказал, что ты читаешь книги про фашизм...

– Я взял одну книгу в библиотеке.

– Это она навела тебя на мысль написать рассказ?

– Нет, это ваша бездарная школа навела меня на мысль.

– Возможно, тебе не стоит читать такие книги...

– Возможно, как раз другим стоит почитать такие книги.

Дядя Сол и тетя Анита со своей стороны умоляли сына сделать над собой усилие:

– Гиллель, ты же еще трех месяцев в эту школу не ходишь. Право, ты должен научиться жить в гармонии с окружающими.

Наконец в актовом зале состоялся общешкольный диспут на тему “Озорство и грубые слова”. Хеннингс долго разглагольствовал о морально-этических ценностях Оук-Три и объяснял, почему озорство и грубые слова запрещены правилами школы. Потом ученики заучили лозунг, который должны дружно скандировать, если их товарищ грубит: “Грубые слова – признак озорства!” Засим последовала дискуссия: ученики могли спрашивать, что им непонятно.

– Задавайте любые вопросы, – заявил Хеннингс и, лукаво подмигнув Гиллелю, добавил: – У нас нет цензуры.

В зале поднялся лес рук.

– А играть в мяч во дворе – это озорство? – спросил один мальчик.

– Нет, это упражнение, – ответил Хеннингс. – Если, конечно, вы не бросаете мяч в голову своим маленьким друзьям.

– А я на днях увидела в буфете паука и закричала, потому что испугалась, – смущенно призналась какая-то девочка. – Я озорница?

– Нет, кричать от страха можно. А вот кричать, чтобы оглушить своих товарищей, – это озорство.

– А если кто-то кричит из озорства, а потом говорит, что увидел паука, чтобы его не наказали? – озабоченно спросил другой ученик, волнуясь, как бы кто-нибудь не обошел закон.

– Так поступать нечестно. Нечестным быть нехорошо.

– А что такое “быть нечестным”?

– Это значит не сознаваться в своих поступках. Например, если ты притворяешься больным, чтобы не ходить в школу, это очень нечестно. Еще вопросы?

Какой-то мальчик поднял руку:

– А “секс” – это грубое слово?

Ученики затаили дыхание, а Хеннингс на миг смешался.

– “Секс” – это не грубое слово... но это слово, скажем так... ненужное.

Зал загалдел. Если “секс” не грубое слово, значит, его говорить можно, правила Оук-Три это разрешают?

Хеннингс постучал по кафедре, призывая к тишине, и назвал всех озорниками. Все сразу замолчали.

– Слово “секс” говорить нельзя. Это слово запрещено, вот.

– Почему запрещено, если это не грубое слово?

– Потому что... Потому что это плохо. Секс – это плохо, вот. Это как наркотики, это ужасная вещь.

Тетя Анита, узнав от Хеннингса, какой рассказ написал Гиллель, совершенно растерялась. Она уже перестала понимать, то ли Гиллель невинная жертва, то ли он расплачивается за свои провокации; она знала, что порой его тон может раздражать или выглядеть наглостью. Он схватывал быстрее других, во всем опережал своих ровесников; на уроке ему быстро становилось скучно и не сиделось на месте. Остальным детям это действовало на нервы. Что, если Хеннингс прав и Гиллель – просто жертва озорства, причиной которого был он сам? И она говорила мужу:

– Если все ополчатся на одного, то, наверно, такой человек не слишком вежливо себя ведет, верно?

Она решила объяснить одноклассникам Гиллеля, что такое школьный харрасмент: иногда человек настраивает всех против себя просто потому, что слишком хочет влиться в класс. Она обошла все дома в Оук-Парке, поговорила с родителями и долго втолковывала детям: “Иногда думаешь, что озорство – это просто игра, и не понимаешь, сколько зла причиняешь своему товарищу”. Примерно так она беседовала с мистером и миссис Реддан, родителями маленького Винсента, он же Хряк. Редданы жили в роскошном доме неподалеку от Балтиморов. Хряк внимательно выслушал тетю Аниту и, едва она умолкла, разразился невыносимыми рыданиями:

– Почему мой друг Гиллель не сказал, что чувствует себя в школе изгоем, это же просто ужасно! Мы все его так любим, не понимаю, почему он нас сторонится.

Тетя Анита объяснила, что Гиллель немножко другой, чем все; тот, икнув, высморкался и, в порядке вишенки на торте, торжественно пригласил Гиллеля в следующую субботу на свой день рождения.

На пресловутом детском празднике, не успели старшие Редданы отвернуться, как Гиллелю вывернули руку, заставили его поцеловать и понюхать под хвостом у домашней собаки, а потом вымазали ему лицо глазурью именинного торта и сбросили прямо в одежде в бассейн. Услышав плеск и смех детей, прибежала миссис Реддан и отругала Гиллеля за то, что он полез купаться без разрешения; потом она обнаружила порушенный “наполеон”. Ее сынок, плача, сказал, что Гиллель хотел съесть торт один, еще до того, как задуют свечи, и она позвонила тете Аните и велела немедленно забирать своего ребенка. Подъехав к воротам Редданов, тетя Анита обнаружила мамашу, крепко держащую Гиллеля за плечо, а рядом с ней – заплаканного Хряка, в своем репертуаре: он хныкал, что Гиллель испортил ему весь праздник. На обратном пути тетя Анита, неодобрительно глядя на сына, вздыхала:

– Ну почему ты вечно высовываешься, Гиллель? Разве тебе не хочется завести добрых друзей?

В отместку Гиллель написал новый рассказ. На сей раз он не стал связываться со школьной газетой. Он решил сам напечатать и ксерокопировать текст. В день, когда газета вышла, он собрал ее официальные экземпляры на рекламных стойках и положил вместо них

собственное творение. Миссис Чериот, обнаружив подмену, бросилась в кабинет директора Хеннингса и шлепнула ему на стол целую пачку памфлетов – все, что сумела найти: “Фрэнк, Фрэнк! Посмотри, что опять натворил Гиллель Гольдман! Издал пиратскую газету с ужасным рассказом!” Хеннингс схватил один экземпляр, прочел, чуть не задохнулся и немедленно вызвал к себе дядю Сола, тетю Аниту и Гиллеля.

Рассказ назывался “Маленький Хряк”. Речь в нем шла о жирном мальчишке по прозвищу Хряк, который с каким-то злобным удовольствием терроризирует товарищей и доводит их до белого каления. В конце концов те убивают его в школьном туалете, разрезают на куски и складывают их в холодильник школьной столовой, где лежит доставленное в тот день мясо. Полиция ищет пропавшего мальчика. На следующий день полицейские приходят в столовую во время обеда и допрашивают учеников. “О, найдите моего котика, прошу вас”, – стелает мамаша Хряка, набитая дура. Инспектор по очереди задает им вопросы, пока они весело поглощают свиное жаркое. “Вы не видели вашего товарища?” – “Не видели, сэр”, – хором отвечают одноклассники с набитым ртом.

– Мистер и миссис Гольдман, – ровным тоном обратился Хеннингс к дяде Солу и тете Аните, – ваш сын снова написал возмутительный рассказ. Это апология насилия, подобные публикации в Оук-Три недопустимы.

– Свобода слова, свобода мнений! – решительно возразил Гиллель.

– Ну нет, с меня довольно! – разозлился Хеннингс. – Прекрати нас сравнивать с фашистским правительством!

Затем Хеннингс с крайне озабоченным видом предупредил дядю Сола и тетю Аниту, что не сможет долго держать Гиллеля в школе, если тот не постарается влиться в коллектив. По просьбе родителей Гиллель обещал больше не сочинять памфлетов. Кроме того, было решено, что он напишет письмо с извинениями и его вывешат в школе.

Подменив школьную газету, Гиллель лишил учеников привычного чтения. Директор Хеннингс, чтобы его не подставлять, просил педагогов не говорить об истинных причинах случившегося; все экземпляры должны были быть отпечатаны заново до конца дня. Но миссис Чериот, женщине слабой, до смерти надоело выслушивать жалобы учеников, не понимавших, почему газета не вышла в положенный день; в конце концов она сорвалась и заорала недовольным, осаждавшим ее обычно тихую редакцию:

– Один ученик считает себя лучше всех, из-за него на этой неделе газеты не будет вообще! Вот так! Номер просто-напросто отменяется! Отменяется, ясно? Отменяется! Ребята трудились, писали статьи, а напечатаны они не будут. Никогда! Никогда! Можете сказать спасибо Гольдману.

Школьники послушно сказали Гиллелю спасибо, наградив его пинками и тумаками. Хряк жестоко его избил, а потом раздел на глазах у всех. Приказал ему:

– Спускай штаны!

Гиллель, вытирая кровь из разбитого носа и дрожа от страха, расстегнул брюки, и все захихикали.

– Я такой маленькой пипки в жизни видел! – радостно завопил Хряк.

Все опять покатались со смеху. Потом он потребовал, чтобы Гиллель снял брюки и трусы, и забросил их на высокое дерево.

– А теперь иди домой. Пусть все видят твою крошечную пипку!

Полуголого Гиллеля отвез домой сосед, проезжавший мимо на машине. Матери он сказал, что за ним погналась собака и содрала с него брюки.

– Собака? Ну, Гиллель...

– Да, ма, честное слово. Так вцепилась в брюки, что в конце концов порвала и убежала с ними.

– И трусы унесла?

- Да, мам.
- Гиллель, милый, что происходит?
- Ничего, ма.
- К тебе пристают в школе?
- Нет, мам. Правда.

Гиллель был глубоко уязвлен и решил ответить мезтью на мезть за свою мезть. Случай представился через несколько дней. Хряк два дня не ходил в школу из-за сильного несварения желудка. Ученики готовили представление для родителей по случаю Дня благодарения – несколько сцен, повествующих о том, как английские переселенцы благодарили индейцев-вампаноагов за помощь и как четьреста лет спустя их благодарность, ставшая праздником, подарила славным американским школьникам три выходных дня. Этот современный аспект празднования нашел отражение в конце спектакля: кто-то из учеников должен был прочесть стихотворение. А поскольку читать стихи никто сам не вызвался, учитель назначил на эту роль Хряка. Стихи были такие:

Уильям Шарбург мамочкины ингредиенты

Сегодня День благодарения,
Праздник всей семьи.
Дивным ароматом полнится дом.
Мама жарит вкусную индейку.

Волны запаха влекут на кухню
Папу, сыночка и собачку.
Мама у плиты усердно хлопочет,
Все ее хвалят и благодарят за чудесное благоухание.

Папа в восторге,
Сыночек хлопает в ладоши,
Собачка облизывает нос,
Да здоровствует ужин!

Лакомка-сын спрашивает: можно ему попробовать?
Мама черпает ложкой соус из кастрюли и дает попробовать.
– Как вкусно! – восклицает малыш. – А что там внутри?
– Ингредиенты, – ему отвечает мама.
– Какие ингредиенты?
– Мои. Тебе нравится?
– Так вкусно! Хочу еще! Хочу все съесть!
– Нет, маленький лакомка, подожди до ужина.

Малыш дуется, уткнувшись лицом в мамочкин фартук.
Ему тепло и приятно. Он улыбается.
Он знает, что однажды мамочка
Расскажет ему секрет своих ингредиентов,
И он тоже положит их в индейку
И зажарит ее для своих детей.

Учительница велела Гиллелю отнести стихотворение Хряку и сказать, что это его роль в спектакле на День благодарения; она хотела их помирить. Гиллель пошел к Хряку в тот же день. Ему открыла мать и отвела в комнату сына. Тот лежал в постели и читал комикс. Гиллель передал все инструкции и вручил ему текст.

– Покажи! – взволнованно завопила мамаша Хряка. Ее сын будет один стоять на сцене!
– Не подсматривай! – взвыл Хряк. – Никому не покажу! Этот спектакль – большой сюрприз!

Он сел в кровати и, выставив мать и Гиллеля за дверь, стал выводить восторженные рулады. Он всегда любил покрасоваться, он покорит всех! Мать по такому случаю купила ему костюм-тройку и созвала всю родню – пусть полюбуются, как ее Хряк умеет читать стихи. Ее мальчик особенный, теперь наконец все в этом убедятся.

В день представления актовый зал был забит до отказа. Семейство Редданов сидело в первом ряду, вооружившись видеокамерами и фотоаппаратами, и изо всех сил хлопало в

ладоши. Сцены с индейцами племени вампаноаг имели большой успех, сцены о Дне благодарения в наши дни – тоже. Потом на сцену вышел Хряк, прожектор направили на него, он набрал побольше воздуха и стал читать стихотворение:

Уильям Шарбург мамочкины экскременты

Сегодня День благодарения,
Праздник всей семьи.
Дивным ароматом полнится дом.
Мама жарит вкусную индейку.

Волны запаха влекут на кухню
Папу, сыночка и собачку.
Мама у плиты сфинктер напрягает,
Все ее хвалят и благодарят за чудесное благоухание.

Папа в восторге,
Сыночек хлопает в ладоши,
Собачка лижет тестикулы,
Да здоровствует ужин!

Лакомка-сын спрашивает, можно ему попробовать?
Мама черпает ложкой соус из кастрюли и дает попробовать.
– Как вкусно! – восклицает малыш. –
А что там внутри?
– Экскременты, – ему отвечает мама.
– Какие экскременты?
– Мои, тебе нравится?
– Так вкусно! Хочу еще! Хочу все съесть!
– Нет, маленький лакомка, подожди до ужина.

Малыш дуется, уткнувшись лицом в мамочкин лобок.
Ему тепло и приятно. Он улыбается.
Он знает, что однажды мамочка
Расскажет ему секрет своих экскрементов,
И он тоже положит их в индейку
И зажарит ее для своих детей.

Закончив чтение, Хряк раскланялся, приветствуя публику, и застыл в ожидании шквала аплодисментов. В зале стояла гробовая тишина. Остолбеневшие зрители молча глядели на Хряка, а тот не понимал, в чем дело. Он кинулся за кулисы и налетел на учительницу и директора Хеннингса: оба в упор смотрели на него.

– Да что же такое? – захныкал Хряк.

– Винсент, ты знаешь, что такое экскременты? – строго спросил его Хеннингс.

– Не знаю я ничего. Я просто стихи прочитал, какие мне дали.

Хеннингс побагровел и обернулся к учительнице:

– Как вы это объясните, мисс?

– Ничего не понимаю, господин директор, я велела Гиллелю Гольдману передать текст Винсенту. Наверно, это он заменил слова.

– И вы не удосужились за все это время отрепетировать спектакль? – заорал Хеннингс так, что его крик разнесся по залу.

– Конечно, мы репетировали! Но Винсент не хотел читать стихи перед всеми. Говорил, что хочет сделать сюрприз.

– Да уж, сюрприз так сюрприз!

– А что такое экскременты? – спросил Хряк.

Учительница заплакала.

– Вы же сами нам говорите, чтобы дети делали, как им хочется!

– Прекратите плакать, пожалуйста, – сказал Хеннингс, протягивая ей носовой платок. – Слезами делу не поможешь. Сейчас вызовем этого надоедного Гиллеля!

Но Хряк, пока все отвлеклись на спектакль другого класса, уже пустился за Гиллелем в погоню. Ребята видели, как оба выскочили из зала через запасный выход, промчались по внутреннему двору, потом по баскетбольной площадке и устремились в сторону Оук-Парка. Впереди неслась худенькая фигурка Гиллеля, прямо за ним, как бешеный зверь, летел Хряк, а чуть позади – кучка учеников, предвкушавших увлекательное зрелище.

– Я тебя убью! – ревел Хряк. – Я тебя до смерти убью!

Гиллель бежал изо всех сил, но слышал, что топот Хряка приближается. Его вот-вот догонят. Он помчался к дому. Немножко удачи, и он спасен. Но прямо перед домом Балтиморов кто-то оставил у поворота на аллею детский велосипед; он споткнулся и растянулся на земле.

6

*Балтимор, ноябрь 1989 года,
после спектакля в честь Дня благодарения*

Гиллель, убегая от Хряка, зацепился ногой за велосипед и шлепнулся на тротуар. Он знал, что теперь побоев не избежать, и свернулся в клубок, пытаясь защититься. Хряк прыгнул на него и стал лупить ногой в живот, потом схватил за волосы и хотел поднять. Внезапно сзади раздался голос:

– А ну оставь его!

Он обернулся. За спиной стоял какой-то незнакомый мальчик; поднятый капюшон толстовки придавал ему угрожающий вид.

– Оставь его, – повторил мальчик.

Хряк швырнул Гиллеля на землю и направился к незнакомцу в твердой решимости с ним разобраться. Но не успел сделать и пары шагов, как получил мощный удар кулаком в лицо и с плачем покатился по земле, держась за нос.

– Мой нос! – хныкал он. – Ты мне нос разбил!

В этот момент подбежали школьники, видевшие начало погони.

– Скорей, глядите! – крикнул один. – Тут Хряк ревет как девчонка!

– Да-а, он меня стукнул, мне ужасно больно! – всхлипывал Хряк.

– Ты кто? – спросил Вуди кто-то из учеников.

– Я телохранитель Гиллеля. Будете к нему приставать, все получите в нос.

Они подняли ладони в знак мира.

– Мы все Гиллеля любим, – произнес другой, не слезая с велосипеда. – И не хотим неприятностей. Правда, Гиллель? Кстати, если хочешь, можем пописать на Хряка.

– На людей не писают, – отозвался Гиллель, по-прежнему распростертый на земле.

Вуди поставил Хряка на ноги и велел ему убираться:

– А теперь вали отсюда, жирдяй толстопузый. Лед к носу приложи.

Хряк не заставил себя долго упрашивать и, по-прежнему хныча, удрал. Вуди помог встать Гиллелю.

– Спасибо, старик, – сказал Гиллель. – Ты... Ты меня правда выручил.

– Не за что. Меня зовут Вуди.

– А откуда ты знаешь, кто я такой?

– У твоего отца в кабинете, куда ни плюнь, твоя физиономия.

– Ты знаешь папу?

– Он меня пару раз вытаскивал из дерьма...

– Не надо говорить “дерьмо”.

Вуди улыбнулся:

– Ты точно сын мистера Гольдмана.

– А откуда ты знаешь, как меня зовут?

– Слышал, как твои родители про тебя говорили, у твоего отца в кабинете.

– Родители? Ты знаком с моими родителями?

– Знаком я с твоим отцом, я же сказал. Он меня устроил работать у садовника Бунса. Я чистил газоны и увидел, как ты бежишь, а за тобой этот толстяк. Ну а я знаю, что к тебе в школе пристают, потому что когда я был на днях у твоего отца в кабинете, пришла твоя мать – она, кстати, страх какая красотка, – и...

– Фу, гадость! Не говори так про мою маму!

– Ой, ну ладно, короче, твоя мать пришла к отцу в контору и сказала, что за тебя волнуется, потому что в школе все хотят свернуть тебе шею. В общем, хорошо, что этот жиртрест стал тебя лупить, так я смог за тебя заступиться, потому что твой отец за меня заступался.

– Ничего не понял. Папа почему за тебя заступался?

– У меня были неприятности из-за драк, а он мне каждый раз помогал.

– Из-за драк?

– Ну да, я вечно дерусь.

– А меня ты можешь научить драться? – спросил Гиллель. – Сколько надо времени, чтобы я стал таким же сильным, как ты?

Вуди поморщился:

– Ну, в драке от тебя, похоже, толку мало. То есть я бы сказал, что тебе, наверно, всю жизнь придется учиться. Но я могу провожать тебя в школу. Тогда никто к тебе приставать не будет.

– Ты правда так сделаешь?

– Само собой.

С того дня как Гиллель встретил Вуди, его школьные неприятности прекратились раз и навсегда. Каждое утро, выйдя из дому, он видел Вуди на остановке школьного автобуса. Они садились в него вдвоем, и Вуди, смешавшись с толпой учеников, доводил его почти до класса. Хряк держался на почтительном расстоянии. Связываться с Вуди у него охоты не было.

После уроков Вуди снова ждал его. Они шли вдвоем на баскетбольную площадку и играли несколько бешеных матчей, а потом Вуди провожал его до дому:

– Мне надо торопиться, Бунс считает, что я подрезаю растения у твоих соседей. Если он меня с тобой увидит, мне конец.

– Как это ты умудряешься все время быть тут? – спрашивал Гиллель. – Ты не ходишь в школу?

– Хожу, просто уроки раньше кончаются. Успеваю сюда приехать.

– А где ты живешь?

– В интернате, в Восточных кварталах.

- У тебя нет родителей?
- Маме было некогда со мной заниматься.
- А папе?
- Он живет в Юте. У него другая жена. Он очень занят.

Подойдя к дому Гольдманов, Вуди попрощался с Гиллелем и ушел. Гиллель всегда предлагал ему остаться поужинать.

- Не могу, – каждый раз отвечал Вуди.
- Почему?
- Мне надо работать с Бунсом.
- Тогда приходи, когда закончишь, и поужинай с нами, – настаивал Гиллель.
- Нет. Я стесняюсь.
- Кого ты стесняешься?
- Родителей. То есть не твоих родителей, я хочу сказать. Вообще взрослых.
- Мои вообще-то крутые.
- Да знаю.
- Вуди, почему ты меня защищаешь?
- Я тебя не защищаю. Мне просто очень нравится с тобой быть.
- А по-моему, ты меня защищаешь.
- Значит, ты тоже меня защищаешь.
- Как, от чего? Меня же от земли не видно.
- Ты меня защищаешь, чтобы я не был совсем один.

Так возвращение долга дяде Солу переросло в нерушимую дружбу между Вуди и Гиллелем. Вуди каждый день приезжал в Оук-Парк. На неделе он играл роль телохранителя, по субботам Гиллель работал с ним у Бунса, а по воскресеньям они проводили целый день в сквере или на баскетбольной площадке. На рассвете Вуди занимал свой пост на тротуаре, в сумерках, на холоде, и ждал Гиллеля.

– Ну почему ты не зайдешь и не выпьешь шоколаду? – спрашивал Гиллель. – Ты же на улице в ледышку превратишься.

Но Вуди каждый раз отказывался.

Однажды субботним утром, когда Вуди в темноте торчал у ворот Гольдманов-из-Балтимора, он увидел дядю Сола. Тот пил кофе и кивнул ему:

- Вудро Финн... Так это ты! Вот, значит, кто сделал моего сына счастливым...
- Я ничего плохого не сделал, мистер Гольдман. Честное слово.

Дядя Сол улыбнулся:

- Знаю. Ну, давай заходи.
- Я лучше тут, на улице.
- Нечего тебе стоять на улице в такой мороз. Иди в дом.

Вуди робко зашел за ним следом.

- Ты завтракал? – спросил дядя Сол.
- Нет, мистер Гольдман.
- Почему? По утрам надо есть. Это важно. Тем более ты потом в саду возишься.
- Знаю.
- Как дела в интернате?
- Ничего.

Дядя Сол усадил его на кухне за стойку и приготовил горячий шоколад и оладьи. Остальные домочадцы еще спали.

- Ты знаешь, что благодаря тебе Гиллель снова стал улыбаться?

Вуди пожал плечами:

- Не знаю я, мистер Гольдман.

Дядя Сол улыбнулся:

– Спасибо, Вуди.

Вуди опять пожал плечами:

– Да не за что.

– Как я могу отблагодарить тебя?

– Никак. Никак, мистер Гольдман. Сперва я к вам приходил, потому что надо было отработать, в благодарность за вашу помощь... А потом мы столкнулись с Гиллелем и подружился.

– Так вот, считай, что отныне ты и мой друг. Если тебе что-нибудь нужно, приходи и проси. А кроме того, я хочу, чтобы ты на выходных приходил к нам завтракать. Нечего играть в баскетбол на голодный желудок.

Вуди согласился наконец заходить в дом по утрам в субботу и воскресенье, но остаться вечером поужинать отказывался категорически. Тете Аните пришлось проявить чудеса терпения, чтобы его приручить. Сначала она ждала перед домом, когда они вернутся с баскетбольной площадки. Она здоровалась с Вуди, но тот, увидев ее, обычно краснел и удирал, как дикий зверек. Гиллель злился: “Мама, ну зачем ты так делаешь! Ты же видишь, он тебя боится!” Она хохотала. Потом она стала их поджидать с молоком и печеньем и, пока Вуди не успел удрать, предлагала ему перекусить прямо на улице. Однажды шел дождь, и она уговорила его зайти. Она называла его “знаменитый Вуди”. Тот страшно краснел, бледнел и начинал заикаться. Он считал ее очень красивой. Как-то под вечер она сказала:

– Скажи-ка, знаменитый Вуди, хочешь вечером с нами поужинать?

– Не могу, мне еще надо помогать мистеру Бунсу высаживать луковицы.

– Так приходи потом.

– Лучше я потом в интернат поеду. Они будут беспокоиться, если я не вернусь, и у меня будут неприятности.

– Я могу позвонить Арти Кроуфорду и спросить у него разрешения, если хочешь. А потом отвезу тебя в интернат.

Вуди согласился; тетя Анита позвонила, и ему разрешили остаться ужинать. После еды он сказал Гиллелю:

– Твои родители правда славные.

– А я что говорил? С ними вообще проблем нет, можешь приходить, когда хочешь.

– Офигеть, твоя мама позвонила Кроуфорду и сказала, что я остаюсь ужинать. Я никогда раньше себя таким не чувствовал.

– Каким таким?

– Важным.

В лице Гольдманов-из-Балтимора Вуди обрел семью, которой у него никогда не было, и вскоре стал ее полноправным членом. На выходных он являлся с раннего утра. Дядя Сол открывал ему дверь, и он садился завтракать; почти сразу к нему присоединялся Гиллель. Потом оба отправлялись помогать Деннису Бунсу. По вечерам Вуди обычно оставался ужинать. Он изо всех сил старался быть полезным: непременно хотел помогать готовить, накрывать на стол, убирать со стола, мыть посуду, выносить мусор. Однажды утром Гиллель, глядя, как он подметает кухню, сказал:

– Утро на дворе. Уймись. Ты не обязан все это делать.

– А я хочу, я хочу это делать. Не хочу, чтобы твои родители считали, что я их использую.

– Использую, а не использую. Слушай, иди сядь, доешь хлопья и почитай газету. Читай-читай, а то вообще ничего знать не будешь.

Гиллель заставлял его интересоваться всем на свете. Рассказывал ему про книжки, которые читал, про документальные фильмы, которые смотрел по телевизору. На выход-

ных они в любую погоду не вылезали с баскетбольной площадки. Вместе они были чумовой парой. Бесстрашно сражались против любой команды НБА. Запросто делали котлету из легендарных “Чикаго Буллз”.

Тетя Анита рассказывала мне, как она поняла, что Вуди действительно стал членом семьи. Однажды она взяла Гиллеля с собой в супермаркет за покупками и увидела, что он кладет в тележку пакет хлопьев с маршмеллоу.

– Я думала, ты не любишь маршмеллоу, – удивилась она.

А Гиллель с братской нежностью ответил:

– Я-то не люблю, это для Вуди. Его любимые.

Вскоре присутствие Вуди у Балтиморов стало делом вполне естественным. Теперь он, с согласия Арти Кроуфорда, по вторникам ходил с ними в пиццерию, а по субботам – в кино, ездил в городской аквариум, откуда Гиллель, дай ему волю, вообще бы не вылезал, и на экскурсии в Вашингтон; они даже побывали в Белом доме.

После ужина у Гольдманов Вуди всякий раз хотел ехать в интернат на автобусе. Он боялся, что Гольдманам надоест все время о нем заботиться и они его прогонят. Но тетя Анита не позволяла ему возвращаться в одиночку, это было опасно. Она отвозила его на машине и, высаживая у ворот угрюмого здания, спрашивала:

– Ты уверен, что все в порядке?

– Не беспокойтесь, миссис Гольдман.

– Да нет, мне немного тревожно.

– Не надо из-за меня волноваться, миссис Гольдман. Вы и так слишком добры ко мне.

Однажды в пятницу вечером, остановившись перед облупленным фасадом, она почувствовала, что у нее сжалось сердце.

– Вуди, по-моему, тебе лучше сегодня переночевать у нас.

– Не надо из-за меня беспокоиться, миссис Гольдман.

– Ты никого не побеспокоишь, Вуди. Дом большой, места всем хватит.

Так он первый раз ночевал у Гольдманов.

Однажды в воскресенье в Балтиморе шел проливной дождь; Вуди приехал очень рано, и дядя Сол утром обнаружил его под дверью, продрогшего и промокшего до нитки. Было решено, что у Вуди должен быть свой ключ. С того дня он стал приезжать еще раньше, накрывал на стол, готовил тосты, апельсиновый сок и кофе. Первым спускался дядя Сол. Они усаживались рядом и завтракали, читая одну газету. Потом появлялась тетя Анита, здоровалась с ним, трепала по голове; если Гиллель спал слишком долго, Вуди поднимался его будить.

Шел январь 1990 года. Однажды в понедельник Гиллель, направляясь к автобусной остановке, обнаружил в кустах заплаканного Вуди.

– Вуди, что случилось?

– В интернате не хотят, чтобы я к вам приходил.

– Почему?

Вуди понурил голову:

– Я довольно давно не хожу в школу.

– Что? Но почему?

– Мне здесь лучше. Я хотел быть с тобой, Гилл! Арти в бешенстве. Он звонил твоему отцу. Сказал, что у Бунса я больше не работаю.

– И все-таки разрешил тебе приехать?

– Я сбежал! Я не хочу туда возвращаться! Я хочу быть с тобой!

– Нам никто не помешает видиться, Вуд. Я что-нибудь придумаю!

И Гиллель придумал: в тот же день он поселил Вуди в пристройке к бассейну Балтиморов. Там он может спокойно жить до лета, туда никто никогда не заглядывает. Гиллель дал ему одеяла, еду и рацию для разговоров.

Вечером к Балтиморам заехал Арти Кроуфорд и сообщил, что Вуди исчез.

– То есть как это исчез? – встревожилась тетя Анита.

– Не вернулся в интернат. Оказалось, что он уже несколько месяцев не ходит в школу.

Дядя Сол повернулся к Гиллелю:

– Ты сегодня видел Вуди?

– Нет, па.

– Точно?

– Да, па.

– Ты не знаешь, где он может быть? – строго спросил Арти.

– Нет. С радостью бы вам помог, но не могу.

– Гиллель, я знаю, что вы с Вуди большие друзья. Если тебе что-то известно, ты должен мне сказать, это очень важно.

– Да, вот что... Он как-то говорил, что отправится в Юту, к отцу. Собирался доехать автобусом до Солт-Лейк-Сити.

Той ночью они общались по рации. Гиллель, с головой накрывшись одеялом, говорил очень тихо, чтобы не услышали родители:

– Вуди? Все в порядке? Прием.

– Все в порядке, Гилл. Прием.

– Вечером к нам приходил Кроуфорд. Прием.

– Чего ему надо? Прием.

– Тебя искал. Прием.

– И что ты ему сказал? Прием.

– Что ты в Юте. Прием.

– Здорово придумал. Спасибо. Прием.

– Не за что, приятель.

Следующие три дня Вуди прятался в пристройке. Наутро четвертого он на рассвете вышел и спрятался на улице, чтобы дожидаться Гиллеля и проводить его в школу.

– Ты с ума сошел, – сказал Гиллель. – Если тебя кто-нибудь увидит, тебе крышка.

– Мне там душно. Хотел ноги размять. И потом, боюсь, если Хряк не увидит меня в школе, он опять за тебя примется.

Вуди проводил Гиллеля до школьного двора и, как обычно, смешался с толпой учеников. Но в то утро директор Хеннингс заметил незнакомого мальчика и сразу понял, что тот не из его школы. Вспомнил особые приметы, перечисленные в объявлении о розыске, и вызвал полицию. Через минуту к школе подъехал патруль. Вуди сразу его заметил и хотел удрать, но наткнулся на Хеннингса.

– Простите, молодой человек, вы кто такой? – строго спросил Хеннингс, крепко взяв его за плечо.

– Беги, Вуди! – закричал Гиллель. – Спасайся!

Вуди вырвался из рук Хеннингса и кинулся бежать со всех ног, но подоспевшие полицейские задержали его. Гиллель бросился к ним, крича:

– Не трогайте! Не трогайте его! Вы не имеете права!

Он хотел растолкать полицейских, но Хеннингс не пустил его. Гиллель разрыдался.

– Оставьте его! – заорал он вслед полицейским, уводящим Вуди. – Он ничего не сделал! Он ничего не сделал!

Оторопевшие школьники во внутреннем дворе смотрели, как Вуди сажают в полицейскую машину, пока Хеннингс и учителя не приказали им разойтись по классам.

Гиллель все утро проплакал в медицинском кабинете. Во время перерыва на ланч к нему зашел Хеннингс:

– Ну-ну, мой мальчик, пора вернуться в класс.

– Зачем вы это сделали?

– Директор интерната предупредил меня, что, возможно, Вуди появится здесь. Твой друг совершил побег, ты понимаешь, что это значит? Это очень серьезно.

После перерыва Гиллель с тяжелым сердцем пошел на уроки. Хряк с нетерпением поджидал его.

– Час мести пробил, Креветка, – изрек он. – Твоего дружка Вуди тут больше нет, и после уроков я тобой займусь. Тебя ждет чудесное собачье дерьмо. Ты уже пробовал собачье дерьмо? Нет? Это будет твой десерт. До последней крошки съешь, ням-ням!

Едва прозвенел звонок с последнего урока, как Гиллель пулей вылетел из класса; за ним неся Хряк с криком: “Ловите Креветку! Ловите его, устроим ему праздник!” Гиллель промчался по коридорам, но потом не выскочил в дверь со стороны баскетбольной площадки, а, пользуясь своим маленьким ростом, прошмыгнул через поток спускавшихся вниз учеников, взлетел по лестнице на второй этаж, по пустым коридорам добежал до каморки привратника и затаился там, стараясь не дышать. Кровь стучала в висках, сердце бухало прямо в уши. Когда он отважился выйти, уже стемнело. Он на цыпочках крался по школе в поисках выхода и вскоре узнал коридор, ведущий в редакцию газеты. Проходя мимо, он заметил, что дверь приоткрыта, и услышал какие-то странные звуки; застыл на месте и прислушался. Он узнал голос миссис Чериот. Потом раздался звук шлепка, а за ним – стон. Заглянув в щель, он увидел директора Хеннингса. Тот сидел на стуле, а на коленях у него кверху задом лежала миссис Чериот в спущенной юбке и трусах. Он крепко, но любовно шлепал ее по ягодицам, а она при каждом ударе сладко постанывала.

– Шлюха! – сказал он, обращаясь к миссис Чериот.

– Да, я жирная мерзкая шлюха, – повторила она.

– Шлюха! – подтвердил он.

– Я была очень плохой ученицей, господин директор.

– Ты была скверной маленькой шлюшкой? – спросил он.

Гиллель, в полном недоумении от представшей ему сцены, резко распахнул дверь и крикнул:

– Грубые слова – признак озорства!

Миссис Чериот вскочила с пронзительным криком.

– Гиллель? – заикаясь, проблеял Хеннингс.

Миссис Чериот подтянула юбку и вылетела за дверь.

– Чем это вы занимались? – поинтересовался Гиллель.

– Мы играли, – ответил Хеннингс.

– Это больше похоже на озорство, – констатировал Гиллель.

– Мы... мы упражнялись. А ты что тут делаешь?

– Я прятался, потому что ребята хотели меня побить и накормить собачьими какашками, – объяснил Гиллель, но директор его уже не слушал, он искал в коридоре миссис Чериот.

– Прекрасно. Аделина? Аделина, ты здесь?

– Мне можно дальше прятаться? – спросил Гиллель. – Мне правда страшно, Хряк со мной не знаю что сделает.

– Конечно, очень хорошо, мой мальчик. Ты не видел миссис Чериот?

– Она ушла.

– Куда ушла?

– Не знаю, куда-то туда.

– Ладно, посиди тут минутку, я сейчас вернусь.

Хеннингс двинулся по коридору, взывая: “Аделина! Аделина, где ты?” Потом увидел миссис Чериот: она забилась куда-то в угол.

– Не волнуйся, Аделина, мальчик ничего не видел.

– Он все видел! – взвыла она.

– Нет-нет, уверяю тебя.

– Правда? – спросила она дрожащим голосом.

– Точно. Все хорошо, тебе не о чем беспокоиться. И потом, он не из тех, кто будет поднимать шум. Не бери в голову, я с ним поговорю.

Но, вернувшись в редакцию, Хеннингс обнаружил, что Гиллеля нет. Снова они встретились через час: Гиллель позвонил в дверь его дома.

– Добрый день, господин директор.

– Гиллель? Что ты тут делаешь?

– Вы, кажется, потеряли одну вещь, я ее вам принес. – И Гиллель достал из сумки женские трусы.

Хеннингс вытаращил глаза и замахал руками:

– Убери сейчас же эту гадость! Не понимаю, о чем ты говоришь!

– Я думаю, это вещь миссис Чериот. Вы сняли с нее трусы, когда били, а она забыла их надеть. Странно, вот если бы я забыл надеть трусы, я бы чувствовал, как мне дует на пипиську. Но женщины, наверно, не чувствуют, что дует, у них ведь пиписька внутри.

– Замолчи и убирайся отсюда! – прошипел Хеннингс.

Из гостиной донесся голос жены мистера Хеннингса, она спрашивала, кто звонил.

– Ничего-ничего, дорогая, – елейным тоном откликнулся тот. – Тут просто у одного ученика затруднения.

– Надо, наверно, спросить у вашей жены, не ее ли это трусы? – предложил Гиллель.

Хеннингс сделал неловкую попытку вырвать трусы, у него не получилось, и он крикнул жене:

– Дорогая, я чуть-чуть пройдуся!

На улицу он вышел в шлепанцах и потащил Гиллеля за собой:

– Ты с ума сошел, ты зачем сюда явился?

– А вон там я видел киоск с мороженым, – сказал Гиллель.

– Я не собираюсь покупать тебе мороженое. Ужинать пора. И вообще, ты зачем явился?

– Интересно, а миссис Чериот любит прикладывать лед к красным ягодицам? – не унимался Гиллель.

– Ладно, пойдем купим тебе мороженое.

Они прохаживались по улице, держа в руках по рожку.

– Зачем вы отшлепали бедную миссис Чериот? – спросил Гиллель.

– Это была игра.

– Нам в школе рассказывали о жестоком обращении. Это было жестокое обращение?

Надо позвонить, они оставили свой телефон.

– Нет, мой мальчик. Это была такая вещь, которой мы хотели оба.

– Поиграть в порку?

– Да. Это такая особенная порка. От нее не больно. От нее хорошо.

– Да? А вот моего приятеля Льюиса отец выпорол, и он говорит, что это очень даже больно.

– Это разные вещи. Когда взрослые устраивают друг другу порку, они сначала договариваются, чтобы оба были согласны.

– А-а, – сказал Гиллель. – То есть вы что, спросили у миссис Чериот: “Скажите-ка, миссис Чериот, вас не затруднит, если я спущу с вас штанишки и выпорю”, а она ответила: “Нисколько”?

– Вроде того.

– По-моему, это странно.

– Знаешь, мой мальчик, взрослые вообще люди странные.

– Я заметил.

– Нет, я хочу сказать, еще более странные, чем ты можешь себе представить.

– И вы тоже?

– И я тоже.

– Знаете, я понял, о чем вы. Другьям моих родителей пришлось развестись. Они у нас однажды ужинали, а через неделю жена пришла к нам ночевать. Она все время говорила про мужа запретными словами. Он что-то такое делал с няней их детей.

– Иногда мужчины так делают.

– Почему?

– По целой куче причин. Чтобы чувствовать себя лучше, чтобы чувствовать себя сильнее. Или чувствовать себя моложе. Или чтобы утолить свои влечения.

– А влечение – это что?

– Это что-то такое, что вырывается из нас, а почему, мы и сами толком не знаем. Тогда голова перестает думать, тело творит неизвестно что, а мы потом раскаиваемся.

– Я на днях нашел за кроватью кулек конфет. Моих любимых конфет. Но мама не велела их трогать, потому что скоро ужин, а я не удержался и съел, ведь это были мои любимые конфеты, а потом раскаивался, потому что живот раздуло и мне не хотелось есть ужин, который приготовила мама. Это влечение, да?

– Примерно так, да.

– А почему вы играете в порку с миссис Чериот? Вы больше не любите свою жену, как было у друзей моих родителей?

– Наоборот, я люблю жену. Я бесконечно ее люблю.

– Но тогда вы должны устраивать любовную порку ей!

– Она не хочет. Знаешь, иногда у мужчин есть свои потребности, и им надо их удовлетворять. Это вовсе не значит, что они не любят своих жен. Для меня запереться в редакции с миссис Чериот – это способ оставаться с моей женой. И я люблю жену. Мне не хочется ее огорчать. А если она об этом узнает, то огорчится. Понимаешь? Уверен, что понимаешь.

– Да я-то понимаю. Но вы ведь начальник миссис Чериот, из-за этого точно поднимется жуткий шум. И потом, думаю, родителям вряд ли понравится, что стулья, на которых их дети сидят в классе, используют, чтобы укладывать на них учительницу с голым задом и...

– Так! – оборвал его Хеннингс. – Понятно! Чего ты хочешь?

– Я хочу бесплатное место в школе для моего друга Вуди.

– Ты рехнулся! Ты что, считаешь, я могу просто так вынуть из шляпы двадцать тысяч долларов?

– Вы распоряжаетесь бюджетом школы. Не сомневаюсь, что вы сумеете все уладить. Надо всего лишь поставить в классе лишний стул. Ничего сложного. А потом вы будете по-прежнему любить жену и задавать порки миссис Чериот.

На следующее утро директор Хеннингс связался с Арти Кроуфордом и сообщил ему, что родительский комитет школы Оук-Три счастлив выделить Вуди стипендию. После разговора с ним мои дядя и тетя, к величайшей радости Гиллеля, предложили поселить Вуди

у них, чтобы он жил поближе к школе. Вечером того дня, когда Вуди приняли в Оук-Три, директор Хеннингс записал в журнале:

Сегодня приняли решение выделить в порядке исключения стипендию странному мальчику, Вудро Финну. Похоже, маленький Гиллель Гольдман от него в восторге. Увидим, поможет ли появление нового ученика раскрыть его потенциал; я давно на это надеюсь.

Так Вуди вошел в жизнь Гольдманов-из-Балтимора и поселился в одной из гостевых комнат, которую обустроили по его вкусу. Никогда дядя Сол и тетя Анита не видели Гиллеля таким счастливым, как в следующие годы. Они с Вуди вместе уходили в школу и вместе из нее приходили. Они вместе обедали, вместе оставались после уроков в наказание, вместе делали домашние задания, а на спортплощадке, несмотря на разницу в габаритах, неизменно просились в одну команду. Настало время абсолютного покоя и счастья.

Вуди взяли в школьную баскетбольную команду, и с ним она впервые за всю свою историю выиграла чемпионат. Гиллель же занялся школьной газетой и поднял ее на небывалую высоту: он добавил раздел, посвященный выступлениям баскетбольной команды, и в дни матчей пускал ее в продажу. Вырученные деньги шли в новый “Фонд учебных стипендий родительского комитета”. Его хвалили учителя, уважали товарищи, а Хеннингс в своих заметках написал:

Поразительный ученик, наделен исключительным умом. Безусловное приобретение для школы. Сумел сплотить товарищей вокруг издания газеты и организовал в школе лекцию мэра о политике. Одно слово – потрясающий.

Вскоре площадки за школой им стало мало. Им нужно было место побольше и получше, такое, чтобы соответствовало их растущим запросам. После уроков они шли в спортзал школы Рузвельта, расположенный неподалеку. Приходили перед тренировкой баскетбольной команды, пробирались внутрь и, закрыв глаза, представляли, что они на лос-анджелесском Форуме или в Мэдисон-сквер-гарден, а зрители в неистовстве скандируют их имена. Гиллель садился на трибуне, Вуди вставал на краю площадки. Гиллель, держа в руках воображаемый микрофон, комментировал:

– За две секунды до конца матча “Чикаго Буллз” уступают два очка, но если их крайний нападающий Вудро Финн сумеет положить мяч в корзину, они победят в плей-офф!

Вуди напрягал все мускулы и, прищурившись в порыве вдохновения, делал бросок. Его тело взмывало в воздух, руки расслаблялись, мяч в полной тишине пересекал весь зал и приземлялся в корзину. Гиллель восторженно вопил:

– Решающий удар несравне-е-е-енного Вудро Финна принес по-обе-е-е-еду “Чикаго Бу-у-улз”!

Они бросались друг другу на шею, совершали круг почета и удирали, пока их не застучали.

Однажды Вуди пришел к тете Аните и шепотом попросил:

– Миссис Гольдман, я... я хочу попробовать позвонить папе. Рассказать, как я.

– Ну конечно, золотко мое. Звони, сколько хочешь.

– Миссис Гольдман, просто... просто я не хочу, чтобы Гиллель узнал. Не хочу с ним распространяться на эту тему.

– Поднимись к нам в спальню. Телефон у кровати. Звони отцу, сколько хочешь и когда хочешь. Не надо спрашивать, золотко. Иди, я отвлеку Гиллеля.

Вуди тихонько пробрался в спальню дяди Сола и тети Аниты. Взял телефон и уселся на ковер. Вытащил из кармана клочок бумаги с номером, набрал его. К телефону никто не подошел. Включился автоответчик, и он оставил сообщение:

Привет, па, это Вуди. Оставляю тебе сообщение, потому что... Я хотел сказать: я теперь живу у Гольдманов, они ужасно хорошо ко мне относятся. Я играю в баскетбольной команде в своей новой школе. Постараюсь завтра перезвонить.

* * *

Через несколько месяцев, незадолго до новогодних праздников 1990 года, дядя Сол и тетя Анита предложили Вуди поехать с ними на каникулы в Майами. Он сначала отказывался. Считал, что Гольдманы и так слишком на него тратятся, а такая поездка обойдется дорого.

– Поехали с нами, а то поссоримся, – уговаривал его Гиллель. – Что ты тут делать будешь? Сидеть все каникулы в интернате?

Но Вуди не соглашался. Однажды вечером тетя Анита зашла к нему в комнату и села на край кровати.

– Вуди, почему ты не хочешь ехать во Флориду?

– Не хочу, и все.

– Мы были бы так рады, если бы ты был с нами.

Он разрыдался; она обняла его и, крепко прижав к себе, погладила по голове:

– Вуди, дорогой, что случилось?

– Ну... обо мне никто никогда так не заботился, как вы. Меня никто никогда не возил во Флориду.

– Для нас это огромное удовольствие, Вуди. Ты потрясающий мальчик, мы все тебя очень любим.

– Миссис Гольдман, я украл... Простите, я не заслужил жить с вами.

– Что ты украл?

– Я на днях поднимался в вашу спальню, там было фото на столике...

Он встал с кровати и, глотая слезы, открыл свою сумку, достал семейную фотографию и протянул ее тете Аните.

– Извините, – всхлипнул он. – Я не хотел ее красть, мне просто хотелось иметь ваше фото. Я боюсь, что однажды вы меня прогоните.

Она потрепала его по голове:

– Никто тебя не прогонит, Вуди. А вообще хорошо, что ты мне сказал про фото, на нем кое-кого не хватает.

В следующие выходные Гольдманы-из-Балтимора, теперь уже четверо, сделали в торговом центре новые семейные фотографии.

Вернувшись домой, Вуди позвонил отцу. Снова наткнулся на автоответчик и снова оставил сообщение:

Привет, па, это Вуди. Я тебе пошлю фотку, она потрясная, вот увидишь!

Там я с Гольдманами. Мы все в конце недели уезжаем во Флориду.

Постараюсь позвонить тебе оттуда.

Я прекрасно помню ту зиму 1990 года во Флориде; тогда Вуди вошел в мою жизнь и остался в ней навсегда. Мы сошлись сразу. С того дня началась бурная история Банды Гольдманов. Думаю, именно после знакомства с Вуди я по-настоящему полюбил Флориду, прежде мне там было скучновато. Вслед за Гиллелем я тоже подпал под обаяние этого могучего и неотразимого парня.

В конце первого года их совместной учебы в Оук-Три в школу должен был прийти фотограф. Гиллель принес Вуди пакет.

– Это мне?

– Да, на завтра.

Вуди открыл пакет. Там лежала желтая футболка с надписью “Друзья на всю жизнь”.

– Спасибо, Гилл!

– Я ее в торговом центре увидел. И себе такую же взял. Чтобы у нас были на фото одинаковые майки. Ну, если хочешь, конечно... Если не считаешь, что это уж совсем чепуха.

– Нет, никакая не чепуха!

Класс выстроили по алфавиту, и Вудро Маршалл Финн оказался рядом с Гиллелем Гольдманом. На ежегодной фотографии школы Оук-Три за 1990–1991 годы они впервые стояли рядом, и трудно было сказать, кто из них двоих больше Гольдман.

7

До встречи с Дюком в 2012 году я никогда не думал, что человек и собака могут так быстро сдружиться. Он всегда был рядом, и я, естественно, к нему привязался. Кто бы устоял перед его лукавым обаянием, перед нежностью, с какой он клал голову вам на колени, требуя ласки, или перед молящим взглядом, каким он следил за вами всякий раз, когда открывался холодильник?

А еще я обнаружил, что чем прочнее становились наши отношения с Дюком, тем спокойнее я общался с Александрой. Она немножко расслабилась. Иногда называла меня Марки, как прежде. Снова стала ласковой, мягкой, снова заливисто смеялась моим дурацким шуткам. Я очень давно не испытывал такой радости, как в те краденые минуты, которые проводил с ней. Я понял, что мне никто не нужен, кроме нее; время, когда я отвозил Дюка в дом Кевина, было самым счастливым за весь день. Возможно, у меня разыгралось воображение, не знаю, но мне казалось, что она старается немного побыть со мной наедине. Если Кевин делал упражнения на террасе, она уводила меня на кухню. Если он был на кухне, готовил себе протеиновые коктейли или мариновал стейки, она вела меня на террасу. От некоторых ее жестов, касаний, взглядов, улыбок мое сердце колотилось сильнее. На какой-то миг у меня возникало впечатление, что мы с ней снова одно целое. В машину я садился взвинченный донельзя. Мне ужасно хотелось пригласить ее куда-нибудь на ужин. Провести целый вечер вдвоем, без ее хоккеиста, который всякий раз одаривал меня подробнейшим рассказом о своих сеансах физиотерапии. Но я боялся проявлять инициативу, не хотел все испортить.

Однажды, испугавшись, что мои хитрости выплывут наружу, я отослал Дюка домой. В то утро я проснулся от угрызений совести, с предчувствием, что скоро меня выведут на чистую воду. Когда ровно в шесть под дверью раздалось тьяканье Дюка, я открыл ему, а после его изъявлений радости сел перед ним на корточки.

– Тебе нельзя оставаться, – сказал я, глядя его по голове. – Боюсь, они заподозрят неладное. Тебе нужно вернуться домой.

Он понурил голову, всем своим видом изобразил печаль и улегся на крыльце, повесив уши. Я держался из последних сил. Закрыл дверь и уселся под ней. Такой же несчастный, как и он.

В тот день я почти не работал. Мне не хватало присутствия Дюка. Он был мне нужен, мне нужно было слышать, как он грызет пластиковые игрушки или посапывает на диване.

Вечером Лео пришел ко мне играть в шахматы и тут же заметил мой жуткий вид.

– Кто-нибудь умер? – спросил он, когда я открыл дверь.

– Я сегодня не виделся с Дюком.

– Он не пришел?

– Пришел, но я его отослал назад. Испугался, что меня поймают.

Он с любопытством уставился на меня:

– Вы, случайно, головой не стукались в последнее время?

Назавтра, когда в шесть утра раздался лай Дюка, я угостил его отборным мясом. Мне надо было сходить на почту, и я взял его с собой. Потом не удержался и погулял с ним по городу: сводил его к парикмахеру и вместе с ним зашел в свою любимую забегаловку съесть фисташковое мороженое ручной работы. Мы сидели на террасе, я держал его вафельный стаканчик, он страстно его облизывал, как вдруг раздался чей-то голос:

– Маркус?

Я в ужасе обернулся посмотреть, кто меня застукал. Это был Лео.

– Лео, черт возьми, вы меня напугали!

– Маркус, вы совсем спятили! Вы что делаете?

– Едим мороженое.

– Вы разгуливаете с собакой по городу, на глазах у всех! Вы что, хотите, чтобы Александра узнала о ваших проделках?

Лео был прав. И я это знал. Наверно, в глубине души мне именно этого и хотелось. Пусть Александра обо всем узнает. Пусть что-нибудь произойдет. Я хотел большего, не только наших краденых минут. Я прекрасно понимал: мне хочется, чтобы все стало как прежде. Но с тех пор прошло восемь лет, у нее другая жизнь.

Лео настоятельно велел мне вернуть Дюка Александре, пока я не решил сводить его в кино или еще что-нибудь выкинуть. Я согласился. Когда я вернулся, он сидел перед своим домом и строчил. Думаю, попросту поджидал меня. Я зашел к нему.

– Ну как? – спросил я, кивнув на его девственно чистую тетрадь. – Как поживает ваш роман?

– Недурно. Думаю, могу написать книжку про старика, который наблюдает, как его юный сосед любит женщину через собаку.

Я вздохнул и уселся рядом с ним.

– Не знаю, что мне делать, Лео.

– Делайте, как с собакой. Пусть она выберет вас. У людей, которые покупают собаку, главная проблема в том, что они обычно не понимают: это не вы заводите собаку, а, наоборот, собака решает, кто ей подходит. Это собака заводит вас и, чтобы вас не огорчать, делает вид, будто подчиняется всем вашим правилам. Если между вами нет близости, дело швах. Могу вам рассказать кошмарную историю, это чистая правда. В Джорджии одна заблудшая мать-одиночка купила длинношерстную таксу по имени Виски, решила слегка разнообразить жизнь себе и двоим детям. Но Виски, на ее беду, ей совершенно не подходил, и их совместная жизнь стала невыносимой. Избавиться от таксы она не сумела и решила пойти на крайние меры: посадила ее перед домом, облила бензином и подожгла. Несчастная горящая псина с диким воем заметалась, как бешеная, и в конце концов влетела в дом, а там дети торчали перед телевизором. Хибара сгорела дотла, вместе с Виски и обоими детьми, пожарные нашли одно пепелище. Теперь вы понимаете, почему собака должна вас выбирать, а не вы ее?

– Боюсь, Лео, я ничего не понял из вашей истории.

– Вы должны точно так же вести себя с Александрой.

– Вы хотите, чтобы я спалил ее заживо?

– Нет, тупица. Хватит вам изображать из себя робких влюбленных, сделайте так, чтобы она выбрала вас.

Я пожал плечами:

– По-моему, она в любом случае скоро вернется в Лос-Анджелес. Она сидит тут, пока не выздоровеет Кевин, а он уже почти совсем поправился.

– И что, вы так и будете на это смотреть? Сделайте так, чтобы она осталась! И вообще, вы мне когда-нибудь расскажете, что между вами произошло? Вы так и не сказали, как с ней встретились.

Я встал:

– В следующий раз, Лео. Обещаю.

На следующее утро моему приятелю Дюку не удалось удрать из дому незаметно. Он, как обычно, залаял в шесть утра у меня под дверью, но когда я открыл, за ним стояла Александра, облаченная, кажется, в пижаму, и с веселым недоверием смотрела на меня.

– В глубине сада есть лаз, – сказала она. – Я только утром увидела. Он подлезает под изгородь и бежит напрямик сюда! Нет, ты представляешь?

Она расхохоталась. Даже ненакрашенная и в пижаме она была такая же красивая.

– Хочешь зайти выпить кофе? – предложил я.

– С удовольствием.

Вдруг я вспомнил, что по всей гостиной раскиданы игрушки Дюка.

– погоди секунду, я хоть штаны надену.

– Ты ведь уже в штанах, – удивилась она.

Я ничего не ответил и попросту закрыл перед ее носом дверь, попросив чуть-чуть потерпеть. И ринулся собирать по всему дому игрушки, миски, подстилку Дюка. Свалил всю кучу к себе в спальню и помчался открывать. Александра взглянула на меня с любопытством.

Закрывая за ней дверь, я не заметил, что какой-то мужчина с фотоаппаратом следит за нами из машины.

8

*Балтимор, Мэриленд,
1992–1993*

Согласно незыблемому расписанию, каждые четыре года Дню благодарения предшествовали президентские выборы. В 1992 году Банда Гольдманов принимала активное участие в предвыборной кампании Билла Клинтона.

Дядя Сол был убежденным демократом, а потому зимние каникулы 1992 года во Флориде проходили в постоянных стычках. Моя мать утверждала, что дедушка всегда голосовал за республиканцев, но с тех пор, как Великий Сол голосует за либералов, тот тоже отдает им свой голос. Как бы то ни было, дядя Сол дал нам первый урок гражданского воспитания – привлек к агитации за Билла Клинтона. Нам шел двенадцатый год, эпопея Банды Гольдманов была в разгаре. Я жил только для них, только ради минут, проведенных с ними. И приходил в восторг от одной мысли о том, чтобы вместе участвовать в предвыборной кампании – не важно чьей.

Вуди с Гиллелем по-прежнему трудились у Бунса, получая не только удовольствие, но и немалые карманные деньги. Работали они быстро и хорошо; некоторые обитатели Оук-Парка, недовольные медлительностью Бунса, даже обращались к ним напрямую. В таких случаях они откладывали двадцать процентов платы за садовые работы и отдавали эти деньги Бунсу, но так, чтобы он не заметил: клали их ему в карман куртки или в бардачок грузовика. Приезжая в Балтимор, я с величайшим удовольствием помогал им, особенно если они трудились для собственных заказчиков. У них сложился узкий круг постоянных клиентов, а еще они заказали себе в галантерейной лавке футболки с вышитой на груди надписью “Садовники Гольдманы. С 1980 года”. Мне тоже такую сделали, и я в жизни не чувствовал

себя таким важным, как когда мы с кузенами разгуливали по Оук-Парку в своей восхитительной униформе.

Мне страшно нравилась их предприимчивость, я гордился, что в поте лица своего зарабатываю немного денег. К этому я стремился с тех пор, как обнаружил дар *self-made-man* у одного своего монклерского одноклассника, Стивена Адама. Стивен прекрасно ко мне относился, часто приглашал после школы к себе домой, а потом предлагал остаться поужинать. Иногда, едва усевшись за стол, он вдруг впадал в неопишемую ярость. Чуть что не так, начинал жутко оскорблять мать, а если еда была ему не по вкусу, стучал кулаком по столу, швырял тарелку и орал:

– Не хочу твоего тухлого сока, он противный!

Отец тут же вскакивал с места; когда это впервые случилось при мне, я думал, что он сейчас закатит сыночку пару хороших оплеух, но он, к моему величайшему изумлению, схватил с комода пластмассовую копилку. С тех пор этот цирк повторялся каждый раз. Отец бегал за Стивеном и верещал:

– Копилка для грубых слов! Три грубых слова, семьдесят пять центов!

– Засунь свою дерьмовую копилку себе в задницу! – отвечал Стивен, бегая по гостиной и показывая средний палец.

– Копилка для грубых слов! Копилка для грубых слов! – дрожащим голосом грозил отец.

– Заткнись, дохлая крыса! Сукин сын, – отвечал отцу Стивен.

А отец все трусил за ним с копилкой, которая в его тощих руках казалась слишком тяжелой:

– Копилка для грубых слов! Копилка для грубых слов!

Кончалось это всегда одинаково, как в сказке. Усталый отец прекращал свой карикатурный танец и, пытаясь сохранить лицо, коварно говорил:

– Ладно, я дам тебе денег вперед, но вычту из твоих карманных!

Вынимал бумажку в пять долларов, совал в попу пластмассовой свинье и сконфуженно садился обратно за стол. Стивен безнаказанно возвращался на свое место, рыгая, глотал десерт и снова убегал, по пути прихватив копилку. Запирался с ней у себя в комнате и извлекал выручку, а его мать отводила меня домой, и я благодарил ее:

– Большое спасибо за прекрасный ужин, миссис Адам.

У Стивена была деловая жилка. Он не только получал деньги за собственные грубости, еще он зарабатывал на скудное пропитание, пряча ключи от отцовской машины и требуя за них выкуп. Поутру отец, обнаружив пропажу, умолял его из-за двери:

– Стивен, пожалуйста, верни ключи... Я на работу опаздываю. Ты же знаешь, что со мной будет, если я опять опоздаю, – меня уволят. Мне начальник сказал.

Мать, явившись ему на подмогу, начинала бешено колотить в дверь:

– Стивен, открой! Открой немедленно, слышишь, черт бы тебя подрал! Ты что, хочешь, чтобы отец из-за тебя остался без работы и мы жили на улице?

– А мне насрать! Хотите свои вонючие ключи – гоните двадцать баксов!

– Ладно, ладно, – хныкал отец, а Стивен приказывал:

– Подсунь бабки под дверь!

Отец послушно совал деньги, дверь резко открывалась, и ключи летели ему в лицо.

– Спасибо, жиртрест! – орал Стивен и захлопывал дверь.

В школе Стивен каждую неделю хвастался перед нами толстенькими пачками купюр и щедро угощал нас мороженым. Ему, как любому законодателю моды, пытались подражать, но обычно безуспешно: насколько я знаю, мой приятель Льюис попробовал было добыть денег, обругав отца, но получил в виде платы две оглушительные пощечины и забыл об этом и думать. Так что я, возвращаясь в Монклер, страшно гордился своими садовничьими

заработками: теперь я тоже мог угощать одноклассников мороженым и красоваться перед ними.

Бунс вечно жмотился мне платить. Завидев меня, уже заранее начинал ворчать, что не даст мне ни копейки, что Гиллель с Вуди и так слишком дорого ему обходятся, но кузены всегда делились со мной дневной выручкой. Мы любили Бунса, хоть он только и делал, что брюзжал. Называл нас “мои мелкие засранцы”, а мы его прозвали Скунсом, из-за запаха. Он был редкостный грубиян, и всякий раз, как мы коверкали его имя, осыпал нас целым ворохом проклятий – к величайшему нашему удовольствию:

– Меня зовут *Бунс!* *Бунс!* Так сложно запомнить? Шайка мелких засранцев! *Бунс*, первая буква *Б!* Как в слове “бардак”! Или “брехать”!

В феврале 1992 года Билл Клинтон, несмотря на неудачу на праймериз в Нью-Гэмпшире, оставался серьезным кандидатом от демократов. Мы раздобыли стикеры в его поддержку и расклеили их на почтовых ящиках, на бамперах клиентов Бунса и на его грузовичке. В ту весну по всей Америке прокатились волнения: суд оправдал полицейских, обвиняемых в зверском избиении чернокожего парня, за которым они гнались; видео мордобоя, заснятое одним из зевак, потрясло всю страну. Так началось дело, известное всему миру как “дело Родни Кинга”.

– Чего-то я не понял, – сказал Вуди с набитым ртом. – Что такое “отвод”?

– Вуди, дорогой, проглоти сначала, – ласково упрекнула его тетя Анита.

Гиллель пустился в объяснения:

– Прокурор говорит, что присяжные были пристрастны и их нужно заменить. Всех или некоторых. Вот это и значит “отвод”.

– А почему? – спросил Вуди, срочно проглотив свой кусок, чтобы не упустить ни слова.

– Потому что они чернокожие. А Родни Кинг тоже чернокожий. Прокурор сказал, что если в жюри одни черные, их приговор не будет беспристрастным. Ну и потребовал отвода присяжных.

– Да, но если так рассуждать, то жюри, состоящее из белых, будет на стороне копов!

– Именно! В том-то и проблема. Белое жюри решило, что полицейские не виноваты, что отлупили черного парня. Потому все и возмущаются.

За столом у Гольдманов-из-Балтимора только и говорили, что о деле Кинга. Вуди с Гиллелем пристально следили за развитием событий. Дело это пробудило у Вуди интерес к политике, и, естественно, несколько месяцев спустя, осенью 1992 года, они с Гиллелем все выходные торчали на парковке супермаркета Оук-Парка, у стенда местного отделения Демократической партии, и агитировали за Билла Клинтона. А поскольку они были намного младше других активистов, их однажды даже заметила съемочная группа местного телевидения и взяла у обоих интервью.

– Почему ты голосуешь за демократов, малыш? – спросил журналист у Вуди.

– Потому что мой друг Гиллель говорит, что так надо.

Журналист в некотором замешательстве повернулся к Гиллелю:

– А ты, мой мальчик, ты считаешь, что Клинтон победит?

Ответ двенадцатилетнего мальчишки поверг его в ступор:

– Надо трезво смотреть на вещи. Это трудные выборы. Джордж Буш за время действия своего мандата одержал много побед, и еще несколько месяцев назад я бы отдал победу ему. Но сегодня страна переживает рецессию, уровень безработицы сильно вырос, и недавние волнения, связанные с делом Родни Кинга, не прибавили ему популярности.

Предвыборный период совпал с появлением в классе Вуди и Гиллеля нового ученика – Скотта Невилла, мальчика, больного муковисцидозом и еще более хилого, чем Гиллель.

Директор Хеннингс объяснил детям, что такое муковисцидоз. Из его слов они вынесли только то, что у Скотта большие проблемы с дыханием, и потому наградили его прозвищем Задохлик.

Скотту было трудно бегать, а значит, и убегать, и Хряк назначил его своей новой жертвой. Но ненадолго: не прошло и пары дней, как это заметил Вуди и пригрозил Хряку, что если тот немедленно не прекратит, он разобьет ему нос. Аргумент подействовал безотказно.

Вуди заботился о Скотте, как прежде о Гиллеле, и все трое быстро подружились.

Вскоре разговоры о Скотте дошли до меня, и, признаюсь, весть о том, что кузены взяли в компанию кого-то третьего вместо меня, пробудила во мне некоторую ревность: Скотт ездил с ними в аквариум, ходил с ними в сквер, а в вечер выборов, пока я умирал от скуки в Монклере, Гиллель и Вуди вместе с дядей Солом, Скоттом и его отцом Патриком ходили следить за ходом голосования в штаб демократов Балтимора. Прыгали от радости, когда объявили результаты, а потом пошли гулять и праздновать победу. В полночь они завернули в “Дейри-Шек” в Оук-Парке и заказали по громадному молочному коктейлю с бананом. В тот вечер, 3 ноября 1992 года, мои кузены из Балтимора выбирали нового президента. А я наводил порядок в своей комнате.

В третьем часу ночи они наконец легли спать. Гиллель замятвом рухнул в постель, но Вуди не спалось. Он прислушался: судя по всему, дядя Сол и тетя Анита уже уснули. Он тихонько открыл дверь своей спальни и проскользнул в кабинет дяди Сола. Взял телефон и набрал номер, который знал наизусть. В Юте было по крайней мере три часа ночи. К его великой радости, трубку сняли.

– Алло!

– Привет, па, это Вуди!

– О, Вуди... Какой Вуди?

– Э-э... Вуди Финн.

– Ой, Вуди! Черт, прости, сына! Знаешь, не очень хорошо слышно, я тебя не узнал. Как дела, сын?

– Дела хорошо. Прямо-таки отлично! Па, мы с тобой так долго не разговаривали! Почему ты никогда не отвечаешь? Ты слушал мои сообщения на автоответчике?

– Сына, когда ты звонишь, у нас тут еще рабочий день, никого дома нет. Пашем, знаешь ли. Да я тебе пытался звонить, но в интернате вечно отвечают, что тебя нет.

– Потому что я теперь живу у Гольдманов. Ты же знаешь...

– Ну да, конечно, у Гольдманов... Ну-ну, давай рассказывай, чемпион, как у тебя дела?

– О, па, мы участвовали в кампании за Клинтона, это было суперкруто. А сегодня вечером отмечали победу с Гиллелем и его отцом. Гиллель говорит, что это немножко и наша заслуга. Знаешь, сколько мы выходных провели на парковке у торгового центра, раздавали людям наклейки на машины!

– Ба, не трать время на эту фигню, сына, – отозвался отец без особой радости. – Все политики подонки.

– Но ты все-таки горд за меня, па?

– Ну конечно! Конечно, сына! Очень горд.

– Просто ты сказал, что политика – это гадость...

– Не, ну если тебе нравится, то и ладно.

– А что тебе нравится, па? Мы можем что-нибудь любить вместе?

– Я люблю футбол, сын! Люблю “Даллас Ковбойз”! Вот это команда! Ты иногда смотришь футбол, мальчик?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.